

*Евгению Орлову,
моему верному спутнику
жизни посвящаю*

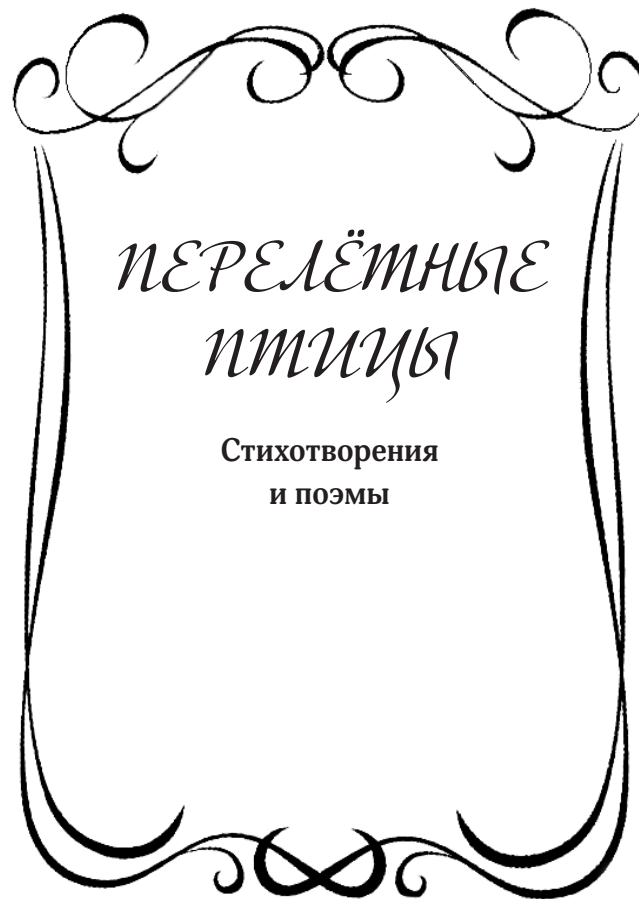

«Никто не знает неба так,
как птицы».

Эдуард Балашов

ТАТЬЯНА СКОРИКОВА

ПЕРЕЛЁТНЫЕ
ПТИЦЫ

Стихотворения
и поэмы

издательство
М
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
С 44

Скорикова Т. П.

С 44 Перелётные птицы. Стихотворения и поэмы. — Рязань: Литера М, 2017. — 224 с.

ISBN 978-5-906008-__

Татьяна — Скорикова — автор четырёх поэтических книг, многочисленных публикаций лирической поэзии в периодической печати, альманахах и сборниках, многих научных работ в области русской филологии и лингвистики. Наряду с основной профессией (Т. Скорикова — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГТУ им. Н. Э. Баумана) в течение многих лет занимается литературой, в том числе переводами зарубежной поэзии.

Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Общества российской словесности и Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Участник литературных проектов «Библиотека современной поэзии», «Родники России», «Православная лира» и др.

Награждена орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, медалями им. А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, наградным знаком «Серебряный крест».

Сборник стихов «Перелётные птицы» включает избранную лирику автора 2011–2016 гг., поэму «А дальше — свет» (Разговор с Анной Ахматовой) и поэму «Любимые страницы», написанную по мотивам романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»..

ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-906008-__

© Скорикова Т.П., 2017
© ООО «Литера М», 2017

ОТ АВТОРА

В книгу стихотворений «Перелётные птицы» вошли избранные стихи автора, 2012–2016 гг., а также впервые издаваемые поэмы «А дальше — свет...» и «Любимые страницы» (по мотивам романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Эта книга — своеобразный лирический дневник, в котором автору хочется поделиться с читателем своими чувствами, мыслями, духовными поисками и просто — поэтическими зарисовками природы и мгновений своей жизни.

Образ перелётных птиц, объединяющий все циклы сборника, символизирует собой погружение души лирической героини в неизменную цикличность времён года на родных широтах и острое ощущение живой теплоты земли в сменяющих друг друга, как взмахи крыл, мгновениях жизни. Для автора образ перелётных птиц, преодолевающих пространство и время, — это и чувство опоры-крыла, столь необходимого в жизненных странствиях-перелётах. Книга посвящена другу и верному спутнику жизни автора, коллеге на протяжении многих лет — Евгению Орлову.

Татьяна Скорикова

Перелётным птицам открыта небесная стихия и всё, что видится с высоты, они несут в своём сердце, возвращаясь к родным берегам. Автору давно грезился этот поэтический образ, книга долго вынашивалась в душе, и наконец, в третьей своей редакции — выносится на суд читателя.

В оформлении книги использованы иллюстрации Зои Ярмо, за что автор выражает ей искреннюю признательность.

«...Сокровенное слово...»

Новая книга поэтессы Татьяны Скориковой отличается от предыдущих общим замыслом, концептуальным построением, но не утрачивает поэтического обаяния, мастерства, полёта образов и мысли, которые уводят читателя от обыденности, создают свою Вселенную. Состоит она из пяти разделов: «С высоты», «Родные берега», «Белоснежье», «О чём поведаешь мне, море?», «Сокровенное слово» и двух поэм: «А дальше — свет», «Любимые страницы».

Каждый раздел тематически строго выстроен и является как бы самостоятельным стихотворным сборником в самой книге, чем очень интересен читателю, хорошо знающему творчество автора.

Уже с первого раздела необычность образов заставляет нас принимать «условия», которые нам «диктует» Татьяна Скорикова:

Давай слетаем в изумрудные края
В обнимку с ветром, солнцем и дождём.
Мы будем там, как исстари, вдвоём,

Лишь лоскуток повиснет в небесах — земля...
 Мы уместим её в ладони... С высоты
 Крылом коснёмся гор и океана
 Солёное пространство... Первозданно
 Мы пролетим над ним, как птицы — я и ты.

Этот сквозной образ полёта — находка поэтессы. Он объединяет другие стихи, расширяет взгляд в пространстве, времени, в чувствах и, если хотите, в жизни: «Летим, не ведая веков, не зная, сколько нам осталось...» И далее: «...мы долетим ... когда-нибудь... От Скандинавии к Перу в отвесном вираже полёта к другу другу мы прижмёмся плотно душа к душе, перо к перу...». Здесь и полёт над Норвежским фьордом, над Ай-Петри, где «Я эхом поселилась на Ай-Петри» и в полёте любви поэтесса говорит «Перелётной птицей — вслед за летом — поплыву на твой далёкий зов...». И этот любовный запев пронизывает всю лирическую книгу Татьяны Скориковой. Ей с высоты полёта до мелочей видна вся земля и на ней человек со своими радостями, горестями и, естественно, с любовью.

Раздел «Родные берега» до глубины души наполнен любовью к родной земле. Открывается он стихотворением «Родина»:

Хороводило, половодило,
 Обмирала кругом вода.

Льдинкой тонкою выдох: «Родина!» —
 Доброй памятью на года.
 И молю я: «В ту оторопь гулкую,
 В колобродицу на Руси
 Странствий дальними переулками
 Ты опять меня занеси.
 Опустит перед милой горницей,
 За церквушкою, на реке...»
 Обернусь сизокрылой горлицей
 На узорчатом ружнике.

Этими проникновенными непритязательными строками сказано многое. Ведь читатель не любит в лирике громогласных признаний в любви к природе, к родному краю. К таким стихам относятся «Возвращение», «Аукнется-откликнется», «В электричке», «Берёзовая рощица», «России», «Журавлиный клин», «Русь», «Медовый спас», «Напои меня, Русь, напои» и многие другие.

В разделе «Белоснежье» поэтесса, можно сказать, поёт завораживающую ораторию белому цвету — чистоте помыслов человека. Что может быть чище снега, посылаемого нам небесами? Он очищает душу, заставляет задуматься о вечности, духовности русского человека. Стихотворения «Зимний сонет», «Стало белым солнце...», «Что сотворит сегодня снег...», «Китеж, Китеж — древнее сказание ...», «Нарисую поле

и мороз ...» и многие другие из этого раздела очищают нас от сиюминутного, мелкого, незначительного в текущем бытии, приближают душой к Спасителю. К примеру, как в стихотворении «На Крещение»:

Чудотворно рощи чародейство,
Как прикосновение к устам
Слова, возвращающего в детство,
В зимний, солнцем высветленный, храм.
Застывают души тонких свечек,
У лампадок светится стекло...
Ниспадает на январский вечер
Благодати снежное крыло.
Лик Христа исполнен откровенья,
И вода, как Божия слеза,
В день святого таинства Крещенья,
Звон переливает в небеса...

Читатель в изумлении останавливает взор на отдельных поэтических образах Татьяны Скориковой: «Ничто не исчезает втуне, и веришь ли, но в летний зной пчела на венчике июня сжимает в лапках шар земной».

Поэтесса не обходит стороной и тему войны. В стихотворении «Из книги памяти лесной» она пытается «...услышать вздох... и зов... и стон...», «...вписать строку, созвучье, слово из книги памяти лесной...»

Ей время — вострепнуться в птицах,
И замирает тишина,
Ведь на берёзовых страницах
Ещё записана война...

Продолжается тема в стихотворениях «Старый дом», «Иван-чай», «Павшему солдату», «Их долгий путь», посвящённых всем погибшим на поле брани, — и особенно в стихотворении «Бессмертный полк»:

Бессмертный полк, в небесной синеве
Ты числишь всех, кто лёг на поле брани.
Их имена... — кто был убит, кто ранен —
Несут в себе неугасимый свет.

Ты числишь всех, никто не позабыт.
Земная память — их удел отныне,
Где каждого бойца святое имя —
Как часть России и её судьбы.

Слезой радости омыты небеса...
Смотрю на фотографии... Бесменно
Ты на посту, не дрогнув! И нетленно
Звучат из строчек писем голоса...

Ты выстоял, как крепость, как скала!
Бессмертный полк под заревом салюта.
Все, поимённо — у Кремля... Как будто
Тебя на службу вечность призвала!

Разнообразие тематики стихотворений в книге не разбивает её цельности, так как основная их мысль «замыкается» на любви. И продолжает эту тему цикл «О чём поведаешь мне, море?» Море, как близкая подруга, которой можно доверить сокровенные мысли, рассказать о любви. У моря даже август превращается в живое существо:

...Тот август юн и дерзок был,
Крылат, безумен, своеволен.
Мальчишеский горячий пыл
Гасил он на морском раздолье.

С небес, из звёздного ковша,
Он черпал удалство и силы.
И нас с тобой его душа
Как пламя, к Богу возносила...

Или: «Берег утренний по-щелячи распластался на лапах песка, солнце волны-младенчики нянчит у ныряющих под воду скал...». Картина жизни оживает, и это у Татьяны Скориковой не кажется чем-то придуманным и неестественным.

Поэме «А дальше — свет» автор даёт подзаголовок «Разговор с Анной Ахматовой». В этом цикле тридцать стихотворений и каждое предваряется цитатой из стихотворения А. Ахматовой. Разговор с поэтессой очень интересный. Не

буду его пересказывать, чтобы не «вспугнуть», как редкую птицу, истинную поэзию. Приведу в пример лишь последнее стихотворение:

* * *

Я стала песней и судьбой,
Сквозной бессонницей и вьюгой.

А. Ахматова

Во всех частицах бытия —
Творениях земного мира —
Живёт, как свет, душа твоя,
Звучит, не умолкая, Лира.

И в снах своих, и наяву,
В печали, радости и горе
Я именем твоим зову
Весною — всходы, чаек — в море.

В улыбке каждого цветка,
В закате, в сини поднебесья
Твоя крылатая строка —
В созвучии со всем — воскреснет!

Заканчивается книга поэмой «Любимые страницы», — как говорит сама поэтесса, написанной по мотивам романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». На мой взгляд, это удачный поэтический эксперимент, пронизанный глубокими чувствами к героям романа. Мастерство Татьяны Скориковой — несомненно.

Татьяна Скорикова

О нём можно судить даже по одному короткому отрывку:

...Из варева крошечной тьмы
Взлетала ввысь громада храма
И низвергалась с высоты
В глухую бездну урагана.
Когда казнённых палачи
Кололи копьями поспешно,
Огня отвесные мечи
Распарывали город грешный,
Срывались ветки на карниз
Вдоль затемнённой колоннады,
Как трость, сломался кипарис
У прокураторской ограды.

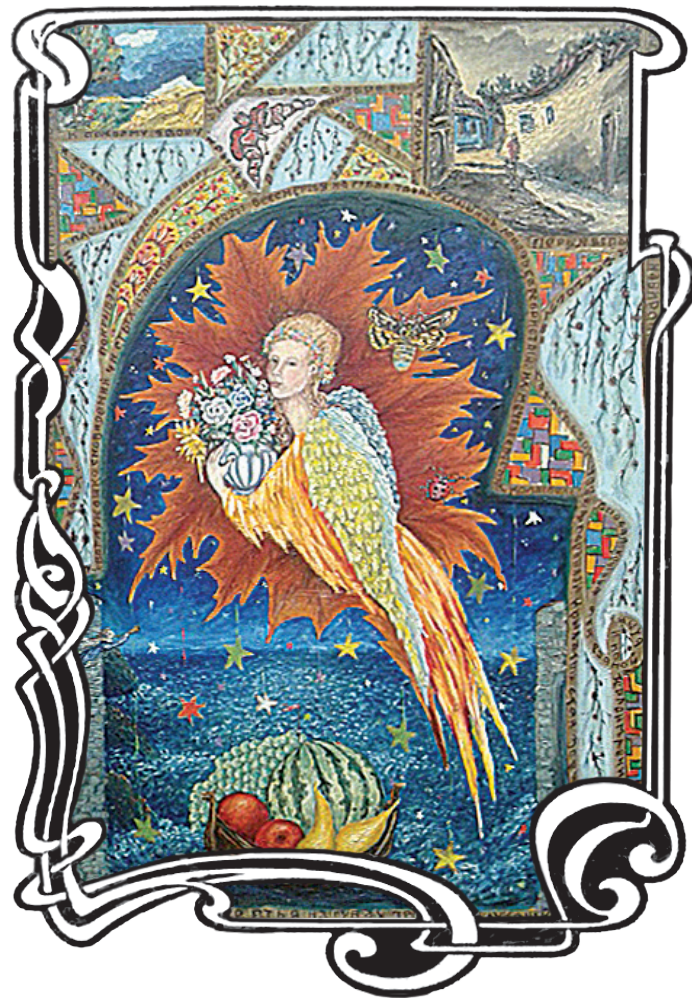
Заканчивая разговор, приведу слова Татьяны Скориковой: «Эта книга — своеобразный лирический дневник, в котором автору хочется поделиться с читателем своими чувствами, мыслями, духовными поисками и просто — поэтическими зарисовками природы и мгновений своей жизни».

Остаётся пожелать талантливой поэтессе такого же вдумчивого и заинтересованного читателя, а книге долгой жизни на благо нашей Русской Литературы.

Юрий БОГДАНОВ,

*Секретарь Правления Московской городской
организации Союза писателей России*

Стихотворения

* * *

*Доживём до весны...
И глотками по телу внезапно
Разольётся небес
Молодая звенящая синь.
Просияет апрель
И наполнит, как проблеском, залпом
Белокрылый размах
Над землёй облаков-парусин.*

*Доживём до весны...
Отдадимся, как птицы, простору
Перелётных пространств,
Серебрящихся талостью рек,
Возвращаясь к гнездовьям
И к слову истоку простому,
Обретая в его глубине
Русской речи живой оберег.*

* * *

Давай слетаем в изумрудные края
В обнимку с ветром, солнцем и дождём.
Мы будем там, как исстари, вдвоём,
Лишь лоскуток повиснет в небесах — земля...

Мы уместим её в ладони... С высоты
Крылом коснёмся гор и океана
Солёное пространство... Первозданно
Мы пролетим над ним, как птицы — я и ты.

И дух саванн, и прерий, и пустынь,
Блеск волн и откровение прибоя
Мы не во сне, а наяву — с собою
Подхватим с необъятной высоты...

НЕБЕСНЫЕ ПИЛИГРИМЫ

Раскосые глаза долины
Уже видны издалека,
Здесь приземлимся мы, пока
Их сон не одолел былинный.
Летим, не ведая веков,
Не зная, сколько нам осталось...
Застыл, как горной щели впалость,
Окаменелой птицы зов...

Как метка, в будущее путь –
Небесных странников движенье...
Как плавно крутизны скольжение!
Мы долетим... когда-нибудь...
От Скандинавии к Перу
В отвесном вираже полёта
Друг к другу мы прижмёмся плотно –
Душа к душе, перо к перу.

* * *

Туман и сырость. Город сник.
Расплылись фонари по лужам.
Мой мир до слова “милый” сужен,
Как день, закованный в дневник.

Мы вырваны из пустоты,
Из будней и сомнений прошлых.
Смотри — узорчатой порошей
Летят январские цветы...

Над синих улочек шитьём,
Над Гвездославовым наместьем*
Парим — две зимних птицы — вместе,
Как раньше, и сейчас — вдвоём...

* Гвездославово наместие — одна из центральных площадей в Братиславе.

НА АЙ-ПЕТРИ

Я эхом поселилась на Ай-Петри,
Где мы с тобой вдвоём летали прежде
Под облаками, чьи лебяжьи перья,
Спадали с гор, как белые одежды.

Я помню кедров влажный запах, тени
Лучей осенних, спрятанных в коре,
И ты, ловящий эхо, на колени
Вставал, как юный отрок на заре...

* * *

Скоро май зелёный парус лета
На серебряных натянет тополях,
Разомлеет, солнышком согрета,
В огородах сонная земля.

И росток потянется, листочка
Разжимая клейкий кулачок.
Вздрагнет сад. Как день, родится строчка,
Дождь ладонью смочет пыль дорог.

Я к тебе отправлюсь с южным ветром
Над туманом синих островов.
Перелётной птицей — вслед за летом —
Поплыву на твой далёкий зов...

* * *

Быть во власти стихов твоих,
Целовать тишину листов,
Ожидая, что новый стих
Станет тёплым теченьем слов.

Веря в то, что весна права —
Гнать по небу барханы с пустынь
Ветром южным твои слова
Опускаются — с высоты!

* * *

Расставания, расстояния...
Юркнул с Курского в поезд апрель,
Но успел расплескать на прощание
По перрону небесную гжель.
И такой бесшабашный и юный,
С солнцем в прядях пшеничных волос,
Он дорог убегающих струны
Протянул за летящий откос,
Где, светясь огонёчками почек
Проносящихся мимо лесов,
Льётся даль в междуречие строчек
Родниковыми жилками строф.

Расставания, расстояния...
Мчится поезд... Небес синева
По-русски течёт, как сказание,
Сквозь разлуку — в родные глаза.

Татьяна Скорикова

* * *

Перроны, вокзалы, разлуки и встречи,
Вишнёвых садов необъятный разлив,
Лиловой сирени воздетые свечи
Плывут сизокрылою стаей вдали.

Ах, только бы с нею подняться над миром,
И памятью вёсен его осветить,
Чтоб светлого мая негромкая лира
Всем людям сегодня звучала в пути.

А рельсы — как струны, а вёрсты — как строки,
По судьбам и весям несутся стремглав.
Щемящее чувство весенней тревоги
Над вольницей шири, над росплеском трав...

И кажется — можно коснуться крылами
Столетних вершин на звенящем ветру,
Озёра, пригорки и рощи в тумане
Дыханием утра навеять в строку.

Лететь бы! Лететь, отдаваясь простору,
Глотая взахлёб пробужденье земли,
И верить, что в жизни есть счастье простое —
Увидеть родное гнездовье вдали.

С высоты

* * *

Сердца, соединённые сквозь вёрсты,
Которым расстоянье нипочём,
Врастают в память, как в разлуку — вёсны,
Как в небо — радуга над полем и ручьём.
Так в облаках — взлёт крыла скольженье,
Так в озере — сияние звезды...
Сердец неистошимо притяженье
Под знаком воздуха, огня, земли, воды!
Когда стихий дарованное имя,
Как заклинание от бед и катастроф,
Сердца согреют клетками своими,
Не потерять любви последний кров!

Татьяна Скорикова

* * *

Рождался день из капелек дождя
И отражал окно и дерево с оградой,
Даря всем, как мелодию, в награду
Ключи от мартовской светлицы бытия.

Подставь ладонь — и неба зачерпнёшь,
Пролитого берёзовую синюю,
И день нахлынет солнечной теплыню
На мир, где в каплях свет разбрызгал дождь.

В них сжалась строчка: «Как я жду тебя!»...
И небеса, где мы с тобой летали...,
И март, вливающий стихи в уста проталин,
От зимнего очнувшись забытья...

С высоты

* * *

Отзовётся грустью колокольный
Над Ордынкой и Остоженкой седой
Звон — небесный, белокрылый, вольный, —
Снегом пахнувший, разлукой и весной...
Звон, в котором синий отзвук детства
От Манежа до Садового кольца
Льётся — по Никитской — прямо в сердце,
Чуть касаясь стрункой солнечной лица...
И опять потянет в поднебесье
Над Москвой подняться, как тогда,
Тихий звон — сияньем светлой песни —
С хрупкой ноткой мартовского льда...

Татьяна Скорикова

* * *

Есть благоденствия минуты,
Когда лучами озарён,
Ликует купол, и как будто
Горит в хрустальной выси склон,
Где вдалеке, за кромкой луга,
Ловя крестом осенний блик,
Храм, окрыляющий округу,
Виденьем сказочным возник.

Сжимая сердце вещей грустью,
Из глубины седых времён
Во славу Господу над Русью
Малиновый струится звон...

РОДИНА

Хороводило, половодило,
Обмирала кругом вода.
Льдинкой тонкою выдох: «Родина!» —
Доброй памятью на года.
И молю я: «В ту оторопь гулкую,
В колобродицу на Руси
Странствий дальними переулками
Ты опять меня занеси.
Опусти перед милой горницей,
За церквушкою на реке...»
Обернусь сизокрылой горлицей
На узорчатом рушнике.

Шалый запах весенней талости
Там шмыгнёт по-щелячьи в дом —
Запах детства и запах старости,
Запах трав под апрельским льдом...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Над полотном земли апрельской,
Раскроенной на лоскутки,
Весна стекала синью гжельской
В распущенный рукав реки.

Шоссе, постройки, переулки –
Сплелась узором круговерть,
Где лаком палехской шкатулки,
Блестя, внизу покрыта твердь.

И снова гул аэродрома
Живой встречает суетой.
Взахлёб ... тепло земное ... дома
Глотну за лесополосой.

Блеснёт слезой родное небо,
К щеке берёзы прислонюсь,
Протянет мне ладонь сквозь вербы
Моя оттаявшая Русь...

* * *

Аукнется — откликнется,
Аукнется — найдёшь:
Вечерним светом выткнется
В полях живая рожь.
Ау-ау... далёкая
Родная сторона...
Зовёт тоска дорогою...
Куда ведёт она?

По берегу, за речкою,
Легла горизонталь.
Не там ли речью вечною,
Как песня, льётся даль?
Ау... не там ли озими
И пашни тёплый дух
Весны и лета с осенью
Смыкает полукруг?

Туда-туда, дорогою,
В заветные края,
Судьба, как за подмогою,
Опять ведёт меня.
Согнётся даль подковою, —
Ну где ещё найдёшь,
Чтоб сталью васильковою
В ночи светилась рожь?!

БЕРЕГА

Берега, берега, берега...
Дивных зорь золотой обрег.
Снова в сердце трепещет строка,
Зарождаюсь в слиянии рек,
Что по жизни текут, по судьбе,
Сквозь истории ход и века,
Под спасительным ликом небес,
Сберегая одно — берега.
О, великая сила воды!
Ты охранная грамота нам.
Слово Веры от лютой беды
Охраняет дорогу во храм.
Посмотри — высоко над рекой,
Над былинным обрывом крутым
Воспарила церквушка легко
Белой горлицей в синь высоты.
Берега, берега, берега...
В них — всё то, чем живу, что люблю.
Вытекает из сердца строка
И впадает в Россию мою.

22.01.2017

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А электричка по привычке
Стучит, стучит... И день внахлёт,
Сжигая километры спичкой
От бересты шальных берёз,
Струной гитарной рвёт предсердье,
Пока за мартовским окном
Не станет обретенем тверди
Мелькнувший в отдаленье дом,
Где тихо скрипнут половицы,
И солнце проскользнёт с крыльца
Котёнком рыжим на страницы,
Касаясь мордочкой лица,
Где сантиметрами уюта
Пронизан каждый Божий час,
Где печка — бабушка как будто,
Согреет в непогоду нас,
Где запах старости и детства
Румяной корочкой зари
С Николой мудрым — по соседству —
Как хлебный дух добра, парит
Над нашей жизнью быстротечной,
В которой март под стук колёс
Сжигает берестой млечной
За годом год — на струнах вёрст...

БЕРЕЗОВАЯ РОЩИЦА

Берёзовая рощица,
О чём молчишь, скажи?
Небесная пророчица
И странница во ржи.

Как свечечки исконные,
Ввысь тянутся стволы,
И лики в них иконные,
По-божьему светлы.

За луг ушла околица,
Закат в ручье погас,
А рощица всё молится
За каждого из нас...

* * *

Какое благо тишина
Берёзового царства.
От всяких немощей она
И от невзгод лекарство.

Она врачует и хранит,
Дарует день от Бога,
И в полдень тянется в зенит
С земли её дорога.

Когда, как встарь, оглашена
Округа зовом эха,
Какое благо тишина
В многоголосье века!

РОССИИ

Я тебя заклинаю сквозь мглу,
Сквозь пространства твои отозваться.
Зажимаю в замёрзших пальцах
Прядь огня на горячем лбу.

Обожжёшь меня маревом ржи,
Зазовёшь колдовским окоёмом,
Духом хлебным родимого дома,
Где сомкнулись судьбы рубежи...

Помню треск и ворчанье в глуши
Доброй бабушки — старой буржуйки.
В кубках — пламени жаркие струйки,
Снег по стёклам, кругом — ни души.

Ах, достичь бы блаженства в тиши,
Там, где тайной сияет огарок,
Что держу я в руке как подарок,
Заклиная по-русски: «ДЫШИ!»

* * *

Вдали от России, но рядом,
Ведь в сердце бегущей строкой
Летит она то снегопадом,
То солнечной бурей весной,
То хлёстким сиреневым всплеском
С дробинками капель дождя,
То стылой листвой перелесков
В тумане осеннего дня,
То ввысь заострённостью звонниц
И строгостью тонких свечей,
То Ликом, светящим в иконе
Задумчивой глубиной очей,
То клином, который по-птичьи
С небес окликает вослед
Того, кто постигнул величье
России и суть её бед.
Кто в этих — навеки — равнинах
Остался — травой прорасти
И вехами крыл журавлиных
Нам долго махать на пути.

Татьяна Скорикова

Вдали от России, но рядом,
Ведь в сердце бегущей строкой
Обрушится тишь листопадом
А Слово задышит судьбой.

Родные берега

ЖУРАВЛИНЫЙ КЛИН

Клин журавлей, пронзив пространство,
Над куполами в высоте
Зовёт нас ввысь из дальних странствий
Вернуться и опять — взлететь!
И вшит в рушник небес, в безбрежность,
Рукой самой природы клин,
Как будто память о безгрешном
Пути среди родных равнин...

Там, уводя за грань сиротства
России и Вселенной всей,
Вонзался он в лазурь и солнце
Простою истиной своей:
Что нет для нас иных, чем этих
Небес над скошенным жнивьем,
Где дух спасителен и светел,
Где пахнет хлебом и жильём,
Куда с чужбины нам вернуться
На вещей журавлиный клич
Предрешено, чтоб обернуться
Живою теплотой Земли...

РУСЬ

Клёнов аlostью опьянённая,
Вешней талостью утолённая,
Хвойной стежкой-дорожкой прошитая,
Мхом, как мехом, лесным, подбитая
Перелесками перевитая...

И как ветрами за околицей,
Горем-бедами сердце полнится.
Сколько выпало ей на долюшку!
Цветом липовым зорька в полюшке...

Ах, медвяная, Русь багряная,
Золотистая и туманная,
Белоснежная и безбрежная,
Белоствольная, колокольная,
Своевольная и раздольная...

Русь соборная, непокорная,
То степная, а то озёрная,
То холмистая и лесистая,
Родниками своими пречистая...

Расплескалась рекою закатною
Стороною родной, необъятною...
А душа моя всё тревожится:
Как, Россия, судьба твоя сложится?

* * *

И вот уже весенним перебором
По-соловьиному ручьи звучат внахлест.
Подтаял снег. И солнце под забором,
Зажмурилось, как наш соседский пёс.
Март-колобродник вдруг по-стариковски
Вздыхнул и, охнув, с печки молодцом
Возьми и спрыгни... Быстрый, юркий, ловкий,
Звенья бубенчиком сосулёк за крыльцом,
Раскинул по двору лучами света снасти,
Что здесь до речки? Шаг один шагни!
Бревенчатая Русь вкушает счастье –
Пьёт колокола синь из полыньи...

* * *

Уже весна! И на застрехе солнце
Висит сосулькой мартовского дня,
И небо на мои ладони льётся,
И так светло на сердце у меня!

В глазах людей горошинами света
Рассыпаны весенние ростки.
Их принесло сегодня южным ветром
Избавить души ото льда тоски

И солнечно — предчувствием апреля
В комочках вербы блещет серебро,
А запах от земли — родной и прелый —
В себе несёт надежду и добро.

* * *

Есть месяц, в котором оттаёт внезапно
Душа у проталин от снежного воска,
Согретая свечкой берёзы полоска
Строки, как росточек, потянется в завтра.

Есть месяц, в котором надежды крупницы
Слетают с густой синевы поднебесья
В прозрачную стылость родного полесья,
А дни календарные — пёрышки птицы.

Есть месяц, в котором светло и раздольно,
И мир оживает комочками вербы,
В ладонь оседая посланием неба —
Бездонной лазурью Руси колокольной...

* * *

Бегу в лесную глухомань,
От суесловья и шумихи,
Туда, где плеск озёрный тихий
Дню летнему — благая дань,
Где рощицы сияет лик
Улыбкой кроткой и смиренной,
Где под горою за деревней
Лопочет о своём родник,
Где благодатно небеса
Ласкают землю синим взглядом
И простирают длань над садом,
Вливая птичьи голоса
В росу, в сиреневую мглу,
В мерцание июньских красок
На фоне парников и пасек,
В елово-голубую глушь...

Блажен, кто волею судеб
Испил из лета Подмосковья,
Вкусив у поля в изголовье
Закатом выпеченный хлеб...

* * *

Дождь раскладывает пасьянсы,
Вьёт из дней канитель под окном.
Август бродит по лужам, но в дом
Не заходит, желая остаться
В мире флоксов, лилейников, роз,
Затуманенных влагой прохлады
В глубине опустевшего сада
Под покровом блуждающих звёзд...

И пока не погас огонёк
В нашей тёплой уютной сторожке,
Звёзд волшебных небесные крошки
Соберу в старый свой туесок...

* * *

Прикипела сердцем к этому местечку:
Лес, стога и месяц — ревностный пастух —
Собирает стадо... Звёзды, как овечки,
В млечный путь вплетают свой небесный пух...

Прикипела сердцем к этому местечку,
Где порой не встретишь даже ни души,
Где покой и воля, за оврагом — речка,
Запах разнотравья, вётлы, камыши...

Прикипела сердцем к этому местечку,
Где вдали от шума городского дня
Яблоками с мёдом, прямо на крылечке,
Август по-хозяйски потчует меня...

Прикипела сердцем к этому местечку,
Где изба да банька, белостволья синь...
Прикипела сердцем, где заря — как свечка
Перед Ликом Спаса на святой Руси...

МЕДОВЫЙ СПАС

Я слушаю полдневность тишины.
В неё, как в воды Леты, погружаюсь,
Там, где река, мгновенье отражая,
Хранит в себе времён минувших сны...

В соседском доме слышен детский смех
И в отдалении — гуденье самолёта.
День, полнясь солнцем, обнимает плотно
Небесной синевою вся и всех.

Неспешно льётся где-то разговор
О том о сём... под щебетанье птичьё...
По-будничному летнее величье
На старой даче август распростёр...

Мне кажется, что нет ему конца...
Столетие — ромашкой на ладони.
Родное луговое заоконье...
Медовый спас, как путник, у крыльца...

* * *

Запрокинув голову в лесах
На траве под тёплой охрой солнца,
Буду пить глазами небеса,
Как святую воду — из колодца.

Золотом сосновым пропитав
Линию судьбы в своих ладонях,
Окунись в живое буйство трав
С голубым отливом рос студёных.

Замерев над стрункою луча,
Уводящей в трепетные воды,
Вдруг пойму: прохладною ручья
Смыл Житомир все мои невзгоды...

* * *

Под светлыми очами неба
В лесной полуденной тиши
Частицу солнца, луга мне бы
Взять для спасения души
И в строфы — щебетанье птичье
Вписать, чтоб выдохом строки
Творилось летнее величье
И пробуждались родники...
А в белоствольном Подмосковье,
Где задымился иван-чай,
Прильнуло б поле к изголовью
По-матерински, у плеча,
Где тёплый добрый дух колосьев
Под васильковостью небес
Напомнит о дороге в осень
И возвращении к тебе...

* * *

Напои меня, Русь, напои
Родниковой водой поднебесья,
Тёплым сумраком, где соловьи
Ранят душу щемящею песней,
Белоствольным сияньем берёз
В каждой клеточке сердца и кожи,
Полевою тропой на откос,
Уводящей испить бездорожье...

Напои меня, Русь, напои
Свежим ветром из сини бездонной
Духом пахоты, влагой зари,
Трепетаньем свечи пред иконой.
Утоли мою боль, утоли
Необъятною далью заречья...
Где ключами из-под земли
Бьёт исконный родник русской речи...

СОЛОВЬИ

Прячась где-то за маревом веточек,
Оглушительно до зари
Мир по капле — до крошечной клеточки —
Наполняют в ночи соловьи...
Ввысь уносятся нотой высокою,
Ткут волшебное волокно,
Льётся трель над прибрежной осокою
По сторонке родной далеко...
Соловьиных мгновений неистовство
Плещет буйно стихией огня.
В небеса голос с берега мглистого
За собой поднимает меня.

И стою, как во сне, онемелая,
У калитки своей не дыша...
Яблонь светятся искорки белые,
Отчего-то тоскует душа...
Тают в воздухе звёзды неясные,
Трелей лунные ручейки
Замирают и гаснут, как гласные
Где-то там — на ладони реки...

ИЗ КНИГИ ПАМЯТИ ЛЕСНОЙ

В плывущей над землёю рани,
Услышать вздох... и зов... и стон...
И в исчезающем тумане
Поймать мотив у самых крон,
И в отблески костра ночного,
Как в стих незримый, всей душой
Вписать строку, созвучье, слово
Из книги памяти лесной...

Ей время — вострепнуться в птицах,
И замирает тишина,
Ведь на берёзовых страницах
Ещё записана война...

* * *

Мне слышен гул под кровом тишины
В берёзах, забинтованных войною...
И он ещё пронзительней весною,
Когда душа и лес обнажены.

Мне верится: кипит в стволах родник —
То сердце, опалённое, в нём бьётся...
На бересте, как эхо, отзовется
Записанный былой войны дневник.

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом, осевший, потемневший,
Чью судьбу не обошла беда,
У дороги сгорбился, где вешний
Вербы куст у самой кромки льда...

Смотрит вдаль, по-старчески сощурился,
В сердце печки затаив огонь,
Вспоминая, как лихую юность
Уносил под чёрной буркой конь...

А теперь в углу, под образами,
Фотографий пожелтевших свет,
Где хранит в себе живую память,
Времени в морщинках зримый след...

Он собою освещает лица.
Вот конверт лежит с передовой.
В гимнастёрке деда под петлицей
Крест с далёкой Первой мировой...

Неизбывна горечь расставанья:
Всех в семье коснулась та война...
Занавески блёклой колыханье
На слепом квадратике окна...

Воск сползает жаркою бороздкой,
Капая, как слёзы, со свечи.
Сигаретный пепел тлеет горсткой
В серебристом мареве ночи...

Лунный лик колеблется в стакане.
Ничего больём не поросло!
Старый дом в неизвестное на канет –
Теплится лампадное стекло...

ИВАН-ЧАЙ

Выткан, как ворот, ромашками луг.
Духом душицы овеанный вечер
Никнет к колодцу водицы глотнуть,
Соснам прохладу накинув на плечи.

Светят во ржи огоньки васильков,
Будто созвездий туманность упала...
Тёплой полыни душистый покров
В ночь ниспадёт голубым покрывалом.

Здесь, где струится берёз молоко
В крынку небес из родного раздолья,
И будоражит разлив васильков
На бесконечности хлебного поля,

Утро омывает слезами зари
Алой росой обожжённые травы.
На гимнастёрке оврага горит
Клевер — в петлице — у переправы.

Память прошила суровая нить...
Души российских солдат не тревожа,
По берегам, как махорка, — взгляни! —
Всюду дымит иван-чай Верхневолжья...

ПАВШЕМУ СОЛДАТУ

Я стала памятью... Вошла
Незримо в дали Верхневолжья.
Там, где полынь, да бездорожье
Нашла приют моя душа...

Я стала родником... Испей
Его водицы в зной палящий.
В нём небеса... Нет влаги слаще,
Чем из ручьёв с родных полей.

Я стала берестой... Без сна
Читаю я деревьев мысли
И слышу вновь раскаты с выси:
По венам рек гудит война!

Я стала колосом... Развей
По полю зёрна — и в апреле
Я прорасту, чтоб ты поверил,
Что живы мы душой своей...

Я стала искрою... Возьми
Её огонь от вьюг согреться...
А значит — не остыло сердце
Под слоем мартовской земли!

В ней бьётся сердце тех солдат,
Что полегли здесь в сорок первом.
Траншеи, как земные нервы,
Быль о войне в себе хранят...

Ты не исчез. А врос в меня,
Как тёплый добрый дух колосьев,
И стал незримой кровной осью —
Чем держится Земля моя!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк, в небесной синеве
Ты числишь всех, кто лёг на поле брани.
Их имена... — кто был убит, кто ранен —
Несут в себе неугасимый свет.

Ты числишь всех, никто не позабыт.
Земная память — их удел отныне,
Где каждого бойца святое имя —
Как часть России и её судьбы.

Слезой радости омыты небеса...
Смотрю на фотографии... Бессленно
Ты на посту, не дрогнув! И нетленно
Звучат из строчек писем голоса...

Ты выстоял, как крепость, как скала!
Бессмертный полк под заревом салюта.
Все, поимённо — у Кремля... Как будто
Тебя на службу вечность призвала!

Татьяна Скорикова

ИХ ДОЛГИЙ ПУТЬ...

Памяти всех, погибших на поле брани

Тоскует осень... зябкой тишиной
Берёз продрогших кутая предплечья.
Со старой колокольни скорбно вечер
Роняет тихий звон за упокой.

Припомним всех, кто медленно взлетел
В закатный пепел клином журавлиным,
Махнув крылом, как веткою рябины,
На обожжённой солнцем высоте.

Ещё с войны они летят-летят —
Из прошлого — сквозь осени и зимы...
И небеса хранят в себе незримо
Их долгий путь который год подряд...

Как даль близка в студёности лесной!
А шорох листьев призрачен и вечен...
Мерцают осени в бескрайней выси свечи,
Где журавли плывут над тишиной...

Родные берега

МАТУШКЕ

Светлой памяти

*Марии Степановны Орловой,
мамы моего мужа*

На житормирщине знойный полдень реет.
Духота заполнила весь день.
Солнце, в комнате от горя цепenea,
Задохнулось и сгустилось в тень...

А потом уткнулось в полотенце...
И доверчиво шершавым языком
Прикоснулось к матушке, чьё сердце
Вдруг собой заполнило весь дом.

По-щенячьи, бестолково тычась
В жилку на родном её виске,
Солнце этот миг — один из тысяч —
На седом держало волоске.

Сузилась ладошка до медали —
Знак минувших тягот и побед.
А в глазах — родник безбрежной дали,
Утренний, скользящий в вечность, свет...

Татьяна Скорикова

Всё, как прежде. Только небывало
Тихо, и тарелки не звенят.
Зеркало накрыто покрывалом.
Замер навсегда любимый взгляд.

Утекла живая струнка речи,
Будто речка высохла, а с ней –
Голос, теплотою человеческой
Наполнявший жито, мир, людей...

Припадаю к высохшим запястьям,
Как к колосьям, в поле пьющим высь...
— Матушка, — молю, — ещё останься,
Уходить от нас не торопись...

...Но, не помышляя о великом,
На дворе, где смолкли голоса,
Плыл субботний день над ясным ликом,
И к нему... прильнули небеса...

Родные берега

ХРАМ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО В СОКОЛЬНИКАХ

Светлой памяти моей мамы

Стволов печальное созвучье
На перекрестии дорог
В мир горний, в мир, быть может, лучший...
Не в нём ли наших душ исток?

Здесь нет сует, и на подворье
Уединение царит,
Где деревянный храм в узоре
Весенней зелени парит.

Дождя серебряные пряди
Повисли на ветвях дубов.
С тоской тревожною во взгляде
Темнеет пруд от горьких строф.

Слезой очищенья свечи
Пред ликом Тихона горят.
И взор его глубок и вечен,
И этот вечер тих и свят.

1 мая 2015 г.

Татьяна Скорикова

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

(К одноименной картине Левитана)

Осенний день. Обитель. И покой
В том полотне, душой хранимом с детства,
Где звон вечерний льётся над рекой,
Впадая звуком в заповедность сердца.
И золотятся луковки церквей
В бездонности небесного мотива,
Вбирая дальний клёкот журавлей
В сиянии природы молчаливой.
Есть в таинстве великого холста
С церквушкой, воспарившею над склоном,
Простор... и тишь... и дух... и высота,
Пролитая на Русь вечерним звоном...

ЗИМНИЙ СОНЕТ

В хрустальность ожерелья декабря,
В холодный пурпур ледяного света
Легко и звонко девушка-заря
Вошьёт мою жемчужинку сонета.

А в нём глоток и жар хмельного лета...
На солнце радугой морозною горя,
Сонет-синичка волею поэта
Украсит зимний день календаря...

Исполнены гармонии слова
Природы: в летне-зимних красках
Так много красоты и естества!

Но только есть всего одна опасность:
А вдруг зашелестит в стихе листва,
Поведав всё... И стану я безгласна!

* * *

И блеск, и стынь еловой чащи,
Где снег – как перевозданный лист,
Целебен и дарует счастье,
И, словно зимний день, лучист.

Над ним царит преображенье,
И от него исходит свет...
Снежинок плавное круженье
Рождает на лету сонет.

О, поэтические зимы,
Где блеск, и стынь, и красота –
Смотри – летят неумолимо
Со снежной белизны листа

ЛЕТЯТ СНЕЖИНКИ

Летят снежинки тканью звёздной
Светясь на бахроме морозной...

Летят, опережая зимы,
С усталой улыбкой мима...

Как будто им года подвластны
Ежеминутно, ежечасно...

Под звёздный блеск крылато в стремя
Скакнул лихой наездник – время...

И с ними – временем и снегом –
Летим мы в круговерти бега...

В пригоршни снежных вишен кисти
Ловя взхлёб, с небесной выси...

Не веря в то, что улетает
Жизнь белокрылой снежной стаей...

* * *

Стало белым солнце, и как будто
Снег припорошил его, когда
Засияло розовое утро
В звонком хрустале седого льда.

Даже дым над домом растерялся –
Замер струйкой белой ... С высоты
Сыпались снежинки в белом вальсе,
И парили белокрыло – я и ты.

Видели, как струны синих елей
Ввысь тянулись, как зима-заря
Красила их кроны кистью белой
На серебряных полотнах января.

Видно, нет на свете больше чуда,
Чем, касаясь крыльями, вдвоём
Уноситься в небеса парить... Оттуда
Видеть сад заснеженный и дом.

Видеть, как на мир ложится вечер.
Как зимы вершится колдовство,
А в сиянии снега, звёзд и свечек
По Руси ступает Рождество...

* * *

Китеж, Китеж – древнее сказание...
Крутится зимы веретено...
Светлояр скрывает очертания
Города, осевшего на дно.

Улочек старинное созвучие,
Церковок особенная статья.
И доносится мелодия певучая,
И нисходит с неба благодать.

Что за чудо! Это ль не знамение?
Крестный ход ступает под водой.
Вдруг забили родники под пение,
Скрыв от ворога навеки град живой.

Озеро таит истоки святости.
И поныне – звон колоколов
Слышится весной с разливом талости
Из-под светлых вод, как тайный зов.

* * *

Леденели руки проводов,
Застывало солнце между веток,
Золото январских куполов
Расплескалось, разлилось по свету.

Я гляжу на стынущую гладь,
Где в глубинах Китеж притаился, –
Сказочно-пленительная статья
Города, который мне приснился.

Я развеять сон не тороплюсь,
В нём сокрыта тайна вековая...
В дивный град под Рождество явлюсь,
В зеркала, как в воду, погружаясь...

НА КРЕЩЕНИЕ

Чудотворно роши чародейство,
Как прикосновение к устам
Слова, возвращающего в детство,
В зимний, солнцем высветленный, храм.

Застывают души тонких свечек,
У лампадок светится стекло...
Ниспадает на январский вечер
Благодати снежное крыло.

Лик Христа исполнен откровенья,
И вода, как Божия слеза,
В день святого таинства Крещенья
Звон переливает в небеса...

* * *

Мороз крещенский, словно воробей,
Наохлился, на ветке коченя.
Январь замёл пустынные аллеи
Позёмкою постновогодних дней...

А солнце, отражаясь в куполах,
Стекает освящённою водицей
С небес на белый пруд, на храм, на лица
И застывает в лунке на глазах...

Чтоб, встрепенувшись хрупким серебром,
Воробышком очнуться на ладони,
Сверкнуть слезою радости в иконе
И просиять распятием надо льдом...

ЗАКОЛДУЙ МЕНЯ, ЗИМА

Как прожить, не разберёшь
Друг без друга...
То ли снег, то ли дождь,
То ли вьюга...

Заколдуй меня, зима,
В одночасье
Непогода-кутерьма...
Где же счастье?

Всё летит, летит метель
В междустрочье
По колючей пустоте
Белой ночи.

Брезжит в пламени свечи
Чей-то профиль...
Ты откликнись, не молчи.
Стынет кофе...

Скоро ранняя заря
Полутенью
Тронет руку короля
На мгновенье...

Татьяна Скорикова

Синей струйкой холодок,
Словно почерк,
Устремится на восток
Вязью строчек...

Как прожить – не разберёшь –
Друг без друга...
То ли вместе, то ли врозь...
Стонет вьюга...

Белоснежье

* * *

Вместе с музыкою ненастья,
Распластавшись крылами разлуки,
Я взлетаю – и рвутся на части
В сердце скрипки безумные звуки.

Не вернуть молодого задора,
Снегом бранным укутаны всходы...
Но девчонкой – всё тою же, вздорной –
Становлюсь я аккордом природы...

* * *

А сны... такие странные –
Неявные, незванные...
Из лунных бликов сотканы
Снежинками за окнами.
В кружении метелицы
Позёмкой звёздной стелются...

ЗВЁЗДНАЯ МЕТЕЛИЦА

Бледное, лунное, чуточку снежное
Тянется время позёмкою нежною...
И между нами полоской бессонницы
Вечер ложится на синие звонницы...
А в тишине голубые созвучия
Падают с неба вуалью колючею.
На серебристом зигзаге Медведицы
Мысли галактики звёздной метелицей
Кружатся в тихой минорности вечности
Таинством снега и всечеловечности...

* * *

Что сотворит сегодня снег,
Какое явит миру чудо?
Возьмётся, словно ниоткуда,
Припорошит собою век.

В ладонь снежинками январь
Пушистую опустит манну
И будет падать неустанно,
Врываясь в зимний календарь.

А накануне Рождества
Снег упадёт тесьмой морозной
И будет тонкой нитью звёздной
Вшивать созвучия в слова...

Благословен и день, и час,
Когда сквозь снежно-синий глянец
Младенец-месяц ясно взглянет
С небесной высоты на нас...

* * *

Нарисую поле и мороз,
Нарисую неба бесконечность...
На снегу сияньем тысяч звёзд
Разметётся лунной ночи вечность.

Нарисую магию огня,
Веток треск, дыхание метели –
Белое пространство бытия
С зёрнышками мартовской капли...

Нарисую на листке судьбы
Всё, чем так душа моя томится.
И слова молитвы и мольбы
Снизойдут с небес в мои страницы...

* * *

Ах, зима, птица белая, нежная,
Серебром оперенья звеня,
Всё завьюжила, забелоснежила,
В лёд свечи превратила меня...

Ах, зима, птица хрупкая, робкая,
Лёгким пёрышком вдаль пронеси
Ты меня над кручиною топкою,
Над тревогой моей на Руси...

Ах, зима! Вьюги чересполосица...
Закружило бедой, занесло...
На ветру белоснежно полощется
Ледяной зимней птицы крыло...

* * *

Снег упал бездыханно в безлюдье,
Стиснул вóрот у города... и
Тосковал и, кружась до полудня,
Прикрывал обнажённость земли.

Голос твой затерялся в пространстве,
В белоснежье летел он стремглав...
Этим ветром скитаний и странствий
Между нами разостлана мгла...

Этим ветром – промозглым, неужным,
Хлётким, жгучим и едким до слёз –
В нашу память врывается вьюжность
Белой сетью суровых полос.

Ткёт зима бесконечную пряжу...
Время в ней белой мýке сродни.
Оттого ль белоснежье, как тяжесть,
Опустилась на плечи мои?

Город тихо бредёт, как прохожий,
Приподняв на ветру воротник,
Так на голос твой странно похожий...
(Образ этот вдруг ясно возник).

Татьяна Скорикова

Белоснежье, колючая вьюга...
В сердце бьются морзянкой слова:
«Нам нельзя, нам нельзя друг без друга.
Я тобою – ты слышишь? – жива!»

Белоснежье

ПО ДОРОГЕ В БРАТИСЛАВУ

Горы снега раскидала судьба,
И блестит одиноко путь...
Мчится поезд, как всегда, всё туда...
Вьётся змейкою метель-грусть.
Мчится поезд двум сердцам в такт,
И под ритм лихих строк
На холодную синь листа
Стужа вдруг обронила перо.

Ты моей маемой стал
На излучине седых рек.
Горячей, чем зимы сталь,
На ладони упал снег.
Замело, занесло стынь
Двух летящих в январь дорог...
Только верой одной ты
Победить расстояние смог.

Смог овеять теплом лицо
Сквозь морозов шальных шаль,
Смог в разлук ледяное кольцо
Горизонта продеть даль...
Где течёт от тоски бел

Татьяна Скорикова

Ваг* в объятии снежных чар,
Я поймаю луны мел –
Как словацких небес дар.

Запишу блеску лун в унисон
Двух имён золотой звук,
Двух созвездий один сон,
Зим и вёсен один струг.
Льда и пламени миг-вздох,
В беге времени строк прыть...
Тьму и свет ведь создал Бог,
Чтобы нам над землёй взмыть!

* Ваг — река в Словакии.

Белоснежье

КОСТЁР ЗИМЫ

Костёр зимы горит во мгле безбрежной
Космических просторов января.
Заносит город синью белоснежной,
Огни дыханьем вьюги серебра.

Я – здесь и там... Раздвоено пространство
На две разлуки и на две зимы.
Душою, безутешною от странствий,
Летим друг к другу белым снегом мы...

А искры горячее и летучей,
И зноем веет снежность от крыла...
Костёр зимы горит на звёздной круче,
Сжигая расстояния дотла.

Костёр зимы ко мне, к тебе всё ближе –
Через сцепленье призрачных широт
Ты чувствуешь, как пламя руки лижет
И засыпает пеплом небосвод?

Морозной выси ярко дышит топка,
Сгорели две разлуки, две зимы...
Над костровищем жаркой стужи только
Не гаснет снег... И с ним – не гаснем мы...

НА МОСКВЕ НЕ СНЕГ, А СНЕГИ

Идут белые снеги как по нитке скользят
Жить и жить бы на свете да наверно нельзя
Чьи-то души бесследно растворяясь в дали
Словно белые снеги идут в небо с земли

Евгений Евтушенко

На Москве не снег, а снеги,
И Бульварное кольцо
В белый воротник лицо
Прячет, опуская веки.

В снежной буре – не до неги,
Вихря мечется костёр,
И летит во весь опор
На Москву не снег – а снеги...

Прорастать – сквозь снег и снеги...
Вьюга на мои листы
С белоснежной высоты
Марта сбросила побеги

Подо льдом проснулись реки,
Встрепенулся древний град,

И обрушил снегопад
На Москву не снег, а снеги...

Кто уже ушёл навеки...
Души – снежные ростки –
Обретают явь строки,
На небесной ниве... Снеги...

Снеги. снеги, снеги... снег,
Излучающий в ладони
Душ тепло и звёзд бездонье,
Свет и мрак, и в них – мой век...

ЯНВАРСКИЙ ВЕЧЕР

Ещё не сказаны слова,
А пламя, росчерком паря
Над кипюю бумага, едва
Лизнуло край календаря.
О, как легко его перо!
И тени зыбкое тепло
Струится плавно между строк,
Виньеткой окаймляя слог.

В окне синее мокрый снег,
На миг остановив свой бег,
Январский вечер в полусне,
Прищурясь, смотрит из-под век.
Хочу его навек продлить
И уходя – не уходить,
Смыкая снежной бахромой
Свечу и тьму, метель и зной...

* * *

Подари мне божественность зимнего леса
Там, где гулко, как дятлы, морозы звенят...
Подари мне мелодию лунного блеска,
Как тогда (ты же помнишь?)...
лет десять назад...

Утопи меня в ней, снеговую девчонку!
И в студёное утро заварку зари
Веткой ели плесни и – тайком, потихоньку,
У себя же самой, мой февраль, укради...

Закружи меня в вихре метельного вальса,
И когда вдруг проклянется миг тишины,
Ты на плечи мне звёздную стылость атласа,
Белоснежно накинй –
с синим флёрком весны...

Татьяна Скорикова

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Последний снег сойдёт на нет,
Забрезжит марта силуэт...
И лёгким пёрышком огня
Блеснёт весна в оконной раме,
Рождая бусинками пламя
На снежной пелене дождя...
Жизнь остановит свой разбег,
Пока, как пульс, трепещет снег...

О чём поведаешь мне, море? _____

* * *

И, как волны приносят на сушу
То, что сами на смерть обрекли,
Принесу покаянную душу
И цветы из Русской земли.

А. Ахматова

Волна — мой древний амулет,
Моё сказание морское,
За чередой бегущих лет
Тебе неведом дух покоя.

Так и душа моя, волне
Подобна в беспокойном мире,
Прозрачная на глубине
И морем — отданная Лире.

Татьяна Скорикова

* * *

Пишут волны свои письма,
И веками шлифуются камни.
Обнимает простор тишина
Голубыми морскими руками.

Нет у вечности слова: «Постой!».
Я покой твой ничем не нарушу.
Белый остров песчаный и зной,
Жарким полднем целующий сушу.

И однажды сквозь призму времён
На пустынном загадочном мысе
Прочитает с небес Орион
Мои морем хранимые мысли...

20.12.15

Остров Самет, Таиланд

О чём поведаешь мне, море?

* * *

Читаю стихию на свитке песка —
Признанья приливов, и вечность
Спадает, светясь, со скулы маяка
В разлитую по морю млечность,
Где пишет бесценно свои письма
Ловящая звёзды морская волна.

Читаю стихию — крупичи веков,
На дюны намытые кем-то...
Течёт между пальцев мой звёздный улов —
Четыре земных элемента.
Как воздух, струится вода, и огонь
Песчинками лет оседает в ладонь...

Татьяна Скорикова

ВОЛНА

Волна сливается с рассветом
И трётся сонно о висок
Утёса, что с рожденья света
Загадку разгадать не смог.

Волна звенит, созвездьям вторя,
С браслетом лунным на руке,
И льнёт к утёсу арфа моря
На золотящемся песке...

Но он, сомненьем не сгорая,
Мучений горестных не зная,
Веками думает о том,

Кому податливая нежность
На влажном теле побережья
Во изголовии морском?

О чём поведаешь мне, море?

МОРСКАЯ СТИХИЯ

О чём поведаешь мне, море?
О чём твой неумолчный гул?
Каких неведомых историй
Полн волн накат на берегу,
Где в унисон твоих прелюдий
Среди пустынных скал оркестр
Взрывается — и на безлюдье
Звучит пророчески окрест,
Когда под натиском стихии
Семи ветрам наперекор
Мгновенья — всадники лихие —
По дюнам мчат во весь опор!
А в брызгах пены вьются гривы,—
Безумство вздыбленных коней
Вдруг низвергается с обрыва
Всё яростнее, всё шальней!

Не всем дано такое счастье —
Испить из чаши бурных вод
И, став волны единой частью,
В стихии лишь найти оплот!

20–23.08.16

г. Царево, Болгария — Москва

ТОТ АВГУСТ

Тот август, как жёлтое пламя,
Пробившееся сквозь дым,
Тот август поднялся нам нами,
Как огненный серафим.

А. Ахматова

Тот август – помнишь ли его? –
Когда волна плескалась ало,
И звёзд кружилось колдовство
И озаряло пляж и скалы.

Тот август юн и дерзок был,
Крылат, безумен, своеволен.
Мальчишеский горячий пыл
Гасил он на морском раздолье.

С небес, из звёздного ковша,
Он черпал удальство и силы.
И нас с тобой его душа,
Как пламя, к Богу возносила...

* * *

Ты видишь — там вдали, на небосклоне,
За пенистой прибрежной полосой
Плывёт кораблик, солнцем опалённый,
Несёт его в пространство непокой,—

Всё то, о чём нам грезилось когда-то
В заснеженности лютых январей,
Когда отчётливей видны земные даты,
И за земным небесное видней...

Ведь память и мгновенье сокровенно
В себе соединяют лёд и зной.
Плывёт кораблик по морской Вселенной,
Нас увлекая бризом за собой...

Татьяна Скорикова

* * *

Ни секунды не медли!
Цеди этот миг по песчинкам,
Подставляя ладони
Под ветренность юрмальских дюн,
Где ложится на плечи
Балтийского моря косынка,
Где сквозь сосны, дурманя,
Струится сияние лун...

Я накатом волны
Из блеска и брызг перламутра,
Из кусочков раздробленных
Плесками моря веков
Собиру для тебя
В звуках тихой мелодии утро,
И дрожания век
Чуть коснётся дыхание строф...

Ни секунды не медли!
Как свет, уходя в бесконечность,
Этот миг просияет
И в бризе расплещется звук,
Где на старенькой яхте
Качнётся усталая вечность,
Прикорнув на корме
Под созвездьем Сокрестия рук...

О чём поведаешь мне, море?

* * *

Давай сегодня просто помолчим,
Давай про быт и суету забудем...
На водной глади бытия Гольфстрим
Смывает алыми устами хмель прелюдий...

Закат устало красит небосвод
Осенним увядающим багрянцем...
В смешенье красок на палитре вод
Меня, художник мой, закружишь в танце.

В зеркальной плоскости разлитые слова
Подхватятся течением Гольфстрима...
Мы помолчим... Твоя печаль едва
Меня коснётся кистью незримо.

Останемся у вечности в плену...
Мгновения невысохшие краски
Молчанием вольются в тишину
Волны — напоминанием о ласке...

* * *

Волны задумчивый прибой,
Песка янтарная ленивость...
Дарован миг, где нам с тобой
Дан остров, словно Божья милость.
И тонкий абрис облаков,
И пальм небрежная крылатость,
Звенящая прозрачность снов,
И солнца голубое золото,
Разлитое по берегам
Взахлёб... А бризом, как порывом,
Распахнут дивный берег нам
В слиянии небес с приливом...

Дан остров волею судеб
Лишь на три дня... (такая малость!)
Он нужен, как вода и хлеб,
Как волнам — белокрылый парус,
Как лучезарный майский день
На побережье Сиама,
Дан остров с именем Самет,
Как сердцу — жизненная прана...

* * *

Здесь на острове, под кокосами,
От сиамских красот трепеща,
Словно птица звонкоголосая,
Устремляется в небо душа...

Берег утренний по-щенячьи
Распластался на лапах песка,
Солнце волны-младенчики нянчит
У ныряющих под воду скал...

Всё опять повторяется сызнава:
Выплыл на море лодкой рассвет,
Чтоб окрасить от охры до синего
Кистью ласковой остров Самет...

Пробуждаются символы древние
В ароматах и в обликах Будд,
А в песчинке творится Вселенная,
Отражая земную судьбу...

Татьяна Скорикова

* * *

Наш берег прозрачно пустынен,
Над пляжем сгущается мгла.
Луна, словно долька от дыни,
На наше бунгало легла.

И кажется всё, что когда-то
Сбывалось, сбылось... (или нет?),
Сегодня таинственной датой
Нам послано свыше в ответ.

Тогда, на другом побережье,
Где (помнишь?) Бенгальский залив
Махал нам, как птица, безбрежно
Крылом с очертаньем земли.

И так же сейчас — ниоткуда
Вдруг остров виденьем возник,
Являя свой образ, как чудо,
Как светлой мелодии миг.

Здесь море под ритмы Вселенной
С небесно-земной широты
Послание шлёт нам мгновенно,
В котором — Самет, я и ты...

15.12.15

Остров Самет, Таиланд

О чём поведаешь мне, море?

* * *

Слушай, слушай моря бормотанье,
Лунной змейкой превращаясь в свет,
Прикасясь сердцем к древней тайне
Острова по имени Самет.

То не миф, который вечно длится,
И не сон в предутренней тиши.
Этот остров — как перо жар-птицы,
Как бальзам для страждущей души.

Здесь, когда струятся ароматы
Вдоль песчано-синих берегов,
Волны ловят зори и закаты
Серебристым ритмом тайских слов.

Суету и города обличье
Здесь смывает море на песке.
Остров с нами говорит по-птичьи
На своём заморском языке...

Татьяна Скорикова

* * *

Белый паруса листочек
На морской ладони блещет.
У волны крылатый почерк —
И загадочный, и вещий.

Что она напишет ветру,
Скрыв коралловые рифы?
Морю быть дано поэтом
И ловить, как чайки, рифмы.

И волнами междустрочий
Между прошлым и грядущим
Море мне стихи пророчит
На моём кусочке суши...

О чём поведаешь мне, море?

* * *

Есть в шуме волн прощальное: «Прости.
Я улетаю чайкой в поднебесье,
Где новый день лучом зари воскреснет.
Я буду в нём тебе светить в пути».

Есть в шуме волн извечное: «Всегда...»,
Прощаний и разлуки неизбежность,
И отражение в закате побережья,
Протянутого летом сквозь года...

Есть в шуме волн крылатое: «Постой!
Полёт продлить дано не только птице».
Взлетим... и будем долго морю снится,
Ловя губами неба синий зной...

Татьяна Скорикова

* * *

Стать светом... В сонной тишине
Скользить по берегу... В прибое
Копить энергию покоя
И день, как дар — тебе и мне...
Стать каплею воды — и в ней
Постигнуть связь времён минувших
И скал таинственные души
Узреть в прибрежной глубине...
Стать чайкою — крылом взлёт
Вонзиться в синь, и в одночасье
Почувствовать единой частью
Себя неведомых широт...
Стать бризом, отголоском снов.
Над морем реющих под утро,
Стать тем, что так природа мудро
Вплетает в мысли облаков...

О чём поведаешь мне, море?

* * *

Пью синеву тихонько, по глотку,
Боясь нарушить утреннюю сказку
Песчинками намыло море ласку
На лёгким бризом смытую строку
В прибой, где с плеском гребнями волны
Морская разлинована тетрадка.
Пью это утро трепетно и сладко
Из солнечных ладоней тишины...

Пятнистой змейкой времени струя
По линии судьбы моей струится...
Пролистаю ещё одна страница
Из многоликой книги бытия...

Татьяна Скорикова

* * *

Сети солнца...Тишина.
Блеск янтарных вод...
Волн мелодия слышна.
Века мерный ход...

Тонкой струйкою песка
Время мне в ладонь
Цедит медленно века,
Воздух и огонь...

И в слиянии стихий
Под прибрежный плеск
Над волной парят стихи
Чайками с небес...

О чём поведаешь мне, море?

БРИЗ

Рисует море рифы
Коралловым закатом.
Качают волны рифмы,
Шумит прибой за кадром.

А бриз смешлив и весел,
То вдруг замрёт, то дунет.
Не ты ли тени свесил
На розовые дюны?

Стань чайкой, морем, летом,
Мой бриз, лучом скользящим —
Всем тем, что есть на свете,
И что зовётся счастьем.

Татьяна Скорикова

* * *

Спит в ладони у вечности море...
Замираю на глади морской...
Только слышу, как шёпотом вторит
Мне и чайкам над пляжем прибой.

Синекрылого моря частицу
Я в душе навсегда берегу,
Чтобы бризом могла очутиться
Я на том голубом берегу

И коснуться седого прибоя,
Словно солнца касается чёлн,
Оставаясь навеки с тобою
Заклинательным говором волн...

О чём поведаешь мне, море?

* * *

На наречии древнем и юном
Море дарит таинственный сказ
Небесам, и теряется в дюнах
Ветер, чайкой слетевший со скал.

Утро цедит песчинки столетий,
А седой нестинарский* прибой
Вьёт из брызг изумрудные сети,
Увлекая волной за собой...

И дробится пространство полёта,
И стекает под парусы высь
Там, где солнечных пляжей полотна
Пишет августа быстрая кисть...

25.08.2011

г. Царево, Болгария

* Нестинарская бухта тянется длинной песчаной полосой вблизи г. Царево на юге Болгарии.

Татьяна Скорикова

* * *

Капля солнца солёного — Царево.
Белый пляж — словно чайки крыло.
Нам с тобой Нестинарка подарена
И волны голубое весло.

С гор странжанских спускается марево —
Золотистого августа мёд.
Брызги солнца над скалами Царева.
И над гребнем прибоя полёт...

О чём поведаешь мне, море?

* * *

На ладье, украшенной по-царски,
С сотнею другой — лучей-гребцов,
Вышло солнце в бухте Нестинарской
На морской, неведомый нам, зов...
Вышло солнце, парус водрузило
Из полотниц алых облаков
И до горизонта заскользило,
По атласной глади вещей снов...
И поплыло, вдаль себе поплыло,
На ладье вдоль сонных берегов
Солнышко — славянский бог Ярило,
Сетью золотой влача улов...

Татьяна Скорикова

* * *

В изголовье Нестинарки
Положу прибор —
Шелест строчек (без помарки),
Данных мне судьбой.
Здесь луна кочует в волнах —
В бригае на двоих...
Дремлет в водах полусонных
Нерождённый стих —
Тих, воздушно безмятежен...
Зыбкая волна
Утро, как бумагу, режет,
Трепета полна.
Тёплым языком приборя
Лижет пляжа бок...
А на бригае — мы с тобою.
Звёзды. Август. Бог...

О чём поведаешь мне, море?

* * *

В осенних строках полнолуны,
В медовом привкусе луны
Разлиты запахи июня,
Таятся вымыслы и сны...

И там, где тихо море плещет,
И замирает горный лес,
Роняет ночь земле на плечи
Густым нектаром лунный блеск...

Тавриды тайну вековую
Хранит Ай-Петри, а луна,
Легенды Крыма повествуя,
Янтарной осенью полна...

22.09.2014
г. Ялта, Крым

МОЙ КРЫМ

В сосновых запахах предгорья,
Где дремлет мудро древний Крым,
Парит строкой, как чайка, море
Над Ялтой блеском голубым.
А под Массандрой, где секвойи
Извечно стражами стоят,
Царит осенний дух покоя
И зреет белый виноград.

В брожении янтарных соков
Мне слышен зов веков иных,
В котором октября высота
Разлита в кубках тишины
С миндальным привкусом муската...
Мой Крым! На южном берегу
Звон солнца о морское злато
Я свято в сердце сберегу.

НА СОЛНЕЧНЫХ ЧАСАХ

Здесь сонный берег. В бликах тишины,
Не потревоженной игрою пены,
Живут воспоминания и сны,
И крики чаек в сонме брызг полдневных,

Всё отойдёт, отхлынет, отболит,
И на песке начертанное имя
Напомнит нам о парусе вдали
Крылатым росчерком в небесной сини...

А зной звенит, и струйкою песка
В ладонь стекает светоносно время...
На солнечных часах моя строка
Как знак неуловимого мгновенья.

И этот день... О, будь благословен,
Останься в шуме волн, в изгибе берега.
И, с лёгким бризом венчаный, навек
Пребудь со мной — как альфа и омега!

Татьяна Скорикова

* * *

Созвучно мне твоей строки крыло,
Его касанье бликом лунной дрожи.
Так лодка в утреннюю гладь стремится весло,
Скользя по перламутровой озёрной коже.
Когда застенчивою влагой дремлет рань,
Сияя чуть заметным переливом,
И при свече на кончике пера
Уже витает мотылёк мотива...
Когда в слиянье образов и слов
Весь мир вокруг — один лишь атом мысли,
Рождается из боли, яви, снов
Под сердцем где-то ощущение выси...

* * *

Но вот уже слышались слова,
И лёгких рифм сигнальные звоночки,—
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

А. Ахматова

Я мига жду, чтоб звуком озарённый
Пробился луч сквозь сень тенистой кроны,
И света животворная струя
Открыла мне прообраз бытия,
Чтоб данное мне Богом откровенье
Вложить душой в уста стихотворенья,
Чтоб целый мир на острие строки
Явился мановением руки.

* * *

Созвучен пальцам трепетный смычок,
А тишине — беспамятство органа,
Когда по храму гулких нот поток
Струится водопадом неустанно.

Созвучен улочке шальной полёт пера,
И нотным записям — грачиный
 клёкот марта,
Радушию созвучен мир двора,
Созвучен небесам отлив асфальта.

Брусчатке старой — перестук подков,
Записанный историей на камне.
Созвучен Лику шелест тихих слов,

В молитве воплотившийся веками...
Волне аккордов и наплыву стрóf
Созвучен Дух, стиху созвучно пламя!

МУЗЫКА

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах её края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.

А. Ахматова. Музыка

Она звучит всегда во мне
То несмолкающим прибоем,
То синевой небес, то зноем,
То солнцем в сонной тишине.

Так молоточками звенят
Кузнечики в траве полынной.
Так в душном августе лавиной
На землю льётся звездопад.

И блещет листопада жечь,
Сверкают отблески зарницы,
И снегом мартовским искрится
Морозом схваченная твердь.

Когда с душой наедине
Настраи́вает Лира струны,
Я знаю, что «Сонатой лунной»
Она появится в окне.

Татьяна Скорикова

ЯВЯТСЯ ЗВУКИ В УТРО...

Но для меня стихи — самоожжение...

Дина Терещенко

В колкий звенящий сумрак
От сотворенья света
Данные миру Богом
Сквозь маету эпох
Явятся звуки в утро —
И на пере поэта
Вздогнут и станут слогом —
Раннего мига вздох...

И перевозданно, словно
Первых влюблённых поступь
В манговой чаще сада,
Где был утерян Эдем,
Вдруг просияет Слово,
Будто живая россыпь,
Нежно, кристально, сладко —
Дар, не подвластный всем...

Тенью былых бессонниц,
Жаркою глубиью ночи,
Белой чадрой пустыни
Вспыхнет его родство

Сокровенное слово

С чёрною буркой конниц,
С горькою тьмой пророчеств,
С тем, что дарует, как имя —
Явленному — Божество!

С тем, что, как меч дамоклов
Над воспалённой строчкой,
С тем, что несётся в бездну
Или взлетает ввысь...
Слово от стужи продрогло,
Слово не знает отсрочки
И, словно оттиск в железо,
В строфы вплавляет мысль...

И обжигает, и студит...
А с поднебесья созвездия
Сполохом алого света
Жадно стекают в строку...
И сотворением будет —
Стих — как крупица поэзии,
Брошенная поэтом
Семенем — в слов борозду...

ПОЭЗИЯ

Слово — тень, слово — блеск, дар эфира,
Тьмой и светом на гребне волны
Гонит в бурю судёнышко Лиры
По просторам морской седины.

Шторм крепчает и мачту колышет,
Злобно блещет на скулах ветров.
Так стихия Поэзию пишет
Гулом яро-рокочущих строф.

А когда воцарится истома,
Нанесённая кистью волны,
Лира-чайка, в пространство несомая,
Оперит солнцем строчек холсты...

Слово — тень, слово — блеск, дар эфира,
Как поэту его разгадать
В языке — этой клеточке мира —
И плеснуть шумом волн на тетрадь?

Как, в штормах и в затишье промучась,
Удержать рифм и ритма весло,
Разделяя Поэзии участь,
Чтобы Слово до сердца дошло?!

* * *

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

А. Ахматова

Порою думаю: откуда стих берётся?
Кем создан он погожим летним днём?
Поэтом ли? Иль просто — небом, солнцем,
Июньским лесом, утренним дождём?
Откуда в каплях рифмы свет искрится,
И кто вложил созвучия в слова?
Кем щедро на простор немой страницы
Из поднебесья льётся синева?
И оживают в строках после ливня
На пашне всходы и засохшие цветы?
Откуда это чудо — Слово-имя?
Скажи, поэт, ответить можешь ты?

Ответ простой, быть может, и не новый:
«Растут стихи, не ведая стыда...»
Растут из жизни, воплощаясь в Слово.
Растут, «как лопухи и лебеда».
Растут (добавлю я) колосьями пшеницы —
Земное и небесное сберечь.
Живое Слово на купель страницы
Святой водою проливается — как речь!

* * *

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много.
Неистошима только синева
Небесная и милосердые Бога.

А. Ахматова

Неизречённое — прости,
Господь, тому, кто слов не молвит.
Тот странник тоже на пути
К Тебе, но лишь сказать не волен
О том, что неба синева
Его, как родником, напоит.
Неизречённые слова
Подобны василькам на поле.
Они растут в ладу со всем,
Свой тайный смысл не раскрывая.
И, кто душой своей не нем,
Достоин внутреннего рая.

* * *

Звенит голубизной осинник,
Озёра небеса хранят.
Сентябрь. День бездонно-синий
На землю устремляет взгляд.

А над жнивьем, за мелколесьем,
Где собраны в снопы лучи,
Сияет купол поднебесья
Огнём негаснущей свечи.

И всё связующее Слово,
Как Спас, взирающий с холста,
Душой коснулось золотого
Животворящего листа...

* * *

Есть магия свечи
И магия свеченья...
В одной — душа в ночи,
В другой — судьбы знаменье.

На перекрёстке строк
В пророческой тревоге
Рождается росток
Разлуки и дороги...

А в пламенной ночи
Сверкает, как мгновенье,
На острие свечи
Свечения сеченье!

И пахнет мёдом воск
И осенью — страница,
Когда в неё с берёз
Огонь свечи струится...

* * *

Порой мне кажется: строка
Ростку подобна: словно стебель,
Она растёт, а в ясном небе
Плывут над Русью облака.
И смотрит ввысь, а дождь шальной
Вдруг с неуёмностью ребёнка
Обрушится струёю звонкой
И вспоит влагой землю в зной.

Лелея сердцем смыслы слов
Из глубины российской речи,
Я далью напою заречья
Окрепшие ростки стихов,
Чтоб глубию родника дыша
И небесами Подмосковья,
Строка бы наполнилась любовью,
Как светом полнится душа.

* * *

Здесь глухомань, и всё, как было
И будет через сотню лет:
И тот же крен избушки милой,
И на окне — живой букет.
А там, вдали, за косогором,
Где в крынку неба молоко
Вливает день, сияя взором,
Так щедро, звонко и легко!
Здесь бликами разноголосья
Привычной дачной суеты
Струится лето тихо в осень
И — на тетрадные листы...

За листопадом ляжет иней
На старый яблоневый сад,
И одинокий вечер зимний
Нас снова возвратит назад
В тот миг, когда на склоне горном,
Освободясь от плена сна,
Тетрадной строчкой непокорной
Светилась лунная струна...

Всё будет так и впредь! И снова
В чреде своих календарей
Природа воплотит во Слово
Все помыслы души моей,
Чтоб не исчезнуть... Голубея —
Смотри! — с небесной высоты
Звезда стекает на аллею
И — на тетрадные листы...

* * *

Зима, чуть видимая оку,
От дней осенних не очнулась,
Едва земли крылом коснулась,
Прильнув к замёрзшему порогу,
И под покровом Рождества,
Приоткрывая тайны миру,
Настраивала тихо Лиру,
Ища к мелодии слова.

Капелью звёзд отмерив такт,
Позёмкой пробежав по нотам,
Года неслышно пролистав,
Зима тоскует отчего-то,
Тая в бесснежье тишины
Скрипичные ключи весны.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Мой добрый светлый Ангел, завтра
Ты снизойдёшь, своим крылом
Меня коснёшься, и внезапно
Небесный свет проникнет в дом.

Ты озаришь улыбкой нежной
Мой день, спадёт сомнений груз.
И солнце синью белоснежной
Сотрёт печаль, тревогу, грусть...

Мой добрый Ангел, ты, как прежде,
Над суетою воспарив,
Подаришь лучики надежды
На кромке утренней зари.

Да будет так! Святой Татьяны
В себе осмыслив благодать,
Молясь о чуде, неустанно
Творить и в Слове воскресать!

* * *

Вербное, тихое, чистое
С именем блага и Бога
Пью воскресенье лучистое
У векового порога...

Пью тишину безответную,
Сердце трепещет строкою –
Доброе, тёплое, светлое,
Русское Слово святое!

ПАСХАЛЬНОЕ

Вот-вот — смотри! — взорвутся почки,
Зелёный всплеск охватит лес,
Салютом клейкие листочки
Взметнутся дружно до небес.
А день, захлёбываясь солнцем
И звонкой синевой озёр,
На Русь пасхальную прольётся,
Омоет благодатью взор.

Во храме, снизойдя на землю,
Огня божественного миг
Дыханием весь мир объемлет,
Священный озаряя Лик,
Чтоб отзываясь в каждом Слове
Сияньем Образа ЕГО,
Творить и наполнять любовью,
Стиха живое естество...

В ХРАМЕ

В храме крепнет и множится Слово,
Как из горного родника,
Льётся звонко в струю родного
Первородного языка.
И я верую — очищенье
Через глубь языка обрету,
У звучанья его прощенье
Испросив за свою немоту.
Дай мне, Господи, право былого:
Звук свечи на странице зажечь,
Ибо силою Духа Святого
Охраняет нас русская речь.

СЛОВО БЛАГОДАТИ

Да будет свет... И в нём твоей рукой
Начертанное Слово Благодати...
Спаси и сохрани, и успокой,
Слезой свечи оставь свой след в тетради...

Сияньем Образа незримо осені,
И пусть в душе под тайною покрова
Родится — всех молящихся — любви
И покаянья благодатное Слово...

СПАСИ И СОХРАНИ!

Мне нечего бояться!
Не боюсь!
Иду, а ноги налиты железом.
Я знаю это место наизусть
До боли, спазма в горле, вздоха, жеста!

К коре в беспамятстве, как в коме, припаду
С двухсотсекундным пульсом ...
Миг повиснет...
Я изживу его в себе, пройдя беду
Меж двух несчастий, ожиданий, жизнью.

И только прошепчу: «Да упаси
Тебя к той полосе вернуться снова!»
Ничто не вечно!
Но жива в Руси
Вода святая — вековое Слово.

Спаси и сохрани! И всё прости.
И как бы трудно ни было, но просто
Ты ничего у Бога не проси,
Одной лишь веры —
Обрести свой остров.

ВЕСЕННИЙ НАБРОСОК

Небо плеснуло на стёкла
Брызги веснушек с утра.
Верба от солнца промокла
В синем квадрате двора.

Только что дождь, как прохожий,
Мимо машин проскользнул.
Я ощущаю на коже
Каплями света весну.

Хочется сердцем поверить
В то, что родится строка,
Как откровенье апреля
И неизбежность ростка...

МУЗА

Когда мгновение дрожит,
 Подобно капле росной влаги,
 И капает на лист бумаги
 В густой берёзовой тиши,
 То ощущаешь, как трава
 Растёт под хмелем майской ночи,
 Где гроздья звёздных многоточий
 Таит кленовая листва...

Как хочется продлить в строке
 Созвучия озёрных всплесков
 За лунной тканью перелесков
 На светом вышитой тропе.
 Веками в пламени росы
 Душа небес брала начало,
 А Муза дерзкая писала
 Нерукотворные холсты...

САД

В сад только выйдешь —
 в яблонь первоцвет
 Обрушит солнце птиц разногосье
 И золотою нитью, словно осью,
 Пронзит природы утренний сонет.

И день протянет свой лучистый след
 В звенящее созвучье ассонансов,
 Где от баллады до высоких стансов
 Скользит по листьям музыка планет.

Душой мой сад, конечно же, поэт!
 Взлелеян Музой в нём любой листочек.
 А в каждой гласной — слышишь? —

 в ритме строчек
 Росой сияет речи русской свет...

* * *

Божественна мгновений суть...

О, чудо, явленное в Слове,
И луч, которым солнце ловит
На лепестках цветка осу...

И блики света в озерце,
И нега скошенного луга,
Лозы мечтательной упругость,
И отблеск полдня на лице...

Строкою на коре берёз
Начертано посланье лета,
И луговой разлив рассвета,
И отголоски дальних гроз...

Читаю эти письмена,
Как грамоту берестяную.
Исповедальность вековую
Хранит издревле тишина...

Щекой шершавой бересты
Прильнула Русь к моим ладоням,
Плеснув ковшом из заоконья
Синь небосвода с высоты...

ЗАОКСКИЕ ДАЛИ

Заоконье, заокские дали
От сердец до сердец пролегли,
Где в разливе небесных проталин
Синеокое поле земли...

С выси тянется сказ заоконья,
И былинною силой воды
Божье Слово, как свет от иконы,
Охраняет от лютой беды.

От глубинных основ до простого
Слово вещую тайну хранит.
Оттого ль в нём шального простора
Неуёмная сила звенит?!

А дорог васильковое русло
Родникам и ручьям в унисон
В речь родную вливается Русью,
Уходя за земной горизонт.

* * *

И мы с тобой когда-нибудь уйдём –
За грань, что между небом и землёю
Кто осенью, кто раннею весною...
Печаль скользнёт незримой тенью в дом.
Но всё-таки... цветы-цветы мой сад,
Захлёбываясь вспышками сирени!
Нет ничего на свете сокровенней,
Чем памятью хранимый в сердце клад
Мгновенных отражений бытия
С черёмуховым всплеском над заречьем,
С глубинным родником российской речи,
Чья суть — любовь, а нерв — гортань ручья.

Пока горит свеча, пока дыша
Дрожит огонь протяжных русских гласных,
Строка жива, а значит — не погаснет
Во Слове нашем — сердце и душа!

* * *

Е.О.

Я вышью радугой «ЛЮБЛЮ»,
Волью созвучья в семицветье,
И в честь тебя в строку свою
Вплету ромашки, солнце, ветер...

И в честь тебя и вопреки
Всем бедам, горестям, ненастью
Н небе острием строки
Я начертаю слово «СЧАСТЬЕ»...

И будет в нём звенеть струна,
И родники звучать, и птицы,
И будет лунная волна
Ловить далёкие зарницы.

Когда тихонечко рассвет
Крылом коснётся побережья,
Мой дар тебе — лучистый свет
И трав медовая безбрежность.

Я вышью радугой «ЛЮБЛЮ»,
Волью созвучья в семицветье,
И в честь тебя в строку свою
Вплету ромашки, солнце, ветер...

Татьяна Скорикова

* * *

Мелодия осталась недопетой
В шуршащих бликах, на исходе дня...
Она была твоей строкой согрета
И поселилась в сердце у меня.

Её мотив в минорности созвучий
Сквозь рощи золотую синеву
Протягивал мне солнца тёплый лучик,
И я его ловила тетиву.

В круженье октября — моей Вселенной,
Осыпанной, как звёздами, листвой,
Дарю тебе в слиянии катренов
Мелодий недопетых волшебство...

Сокровенное слово

* * *

По золоту в осенней синеве
Ступаю я в октябрь первозванный,
Холодный и загадочно-туманный,
Сквозь наготу деревьев льющий свет.

Как лист прощальный, кружится строка
И озаряет память, годы, лица...
Друзья! Пусть не дописана страница,
Но сердцу она также дорога!

Дай Бог, её успеть перевернуть,
Дай Бог, успеть постичь её истоки!
И Слова свет, дай Бог, проникнет в строки,
Согреет душу и укажет путь!

19 октября 2016 г.

* * *

Так Словом дышит день сегодня,
Что зришь — мерцает вдалеке,
Как блик, несомый по реке,
Нерукотворный Лик Господний.

Так тишью льётся благодать
На кровли Сергиевой лавры,
Что осень убрала литавры,
Не смея звонницам мешать.

И в переклике куполов,
В безмолвии Руси великой
Сияет осень перед Ликом
И тихо молится, без слов...

* * *

В янтарной выси поднебесья,
В осенней сини куполов
Я обретаю мир без лести,
Без суеты и громких слов,
Без гама уличных потоков
И будничных дежурных фраз,
Мир без тщеславья и пороков,
Без лжи парадной, без прикрас.

Как редок дар — услышать Слово
Божественной поры жнивья
В многоголосии иного,
Негородского бытия...

Мне ясен промысел осенний —
Природы истина проста:
В прикосновении спасенье
К устам кленового листа.

В его сквозные очертанья
Воскресный звон колоколов
Вливает, как живое пламя,
Своё вечернее тепло...

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Раздам с утра кленовый шум дождю
И ветру — облетающие листья,
А небесам — полей осенних мысли,
Озёр задумчивую дымку — октябрю.

Прислушаюсь, как капает вода,
Стекающая струйками созвучий
В сосуд янтарный осени певучей,
Хранящей тайну времени — года

Медлительно кружение листа
В тягучем воздухе — настое мёда с мятой.
В нём всё, что зримо, пламенем объято,
И светится в прожилках высота.

Впишу в него душою Слова суть,
Как губ слиянье — жаркий отзвук строчек...
Пусть снег и дождь... Но солнечный комочек
Останется зимой гореть в лесу.

* * *

Из серых будней вырваться — и птицу
Зимы впустить с утра в свой старый дом,
Перед свечой морозной помолиться
На поле, словно небо, голубом...

Увидеть сквозь берёзовые нимбы
Зари лилово-алой серебро,
Запечатлеть в душе небесный снимок —
Меж прошлым и грядущим этих строк.

Листая старый томик Гумилёва
И постигая сердцем смыслы строф,
Благоговевя пить родное Слово
Из тишины и музыки стихов.

И верить в то, что всё, что есть и будет,
Во Слове отольётся на века,
Пока парит над перекрестьем судеб
Душа поэта и — его строка...

Татьяна Скорикова

* * *

Всё будущее прежде было,
и будет быть, что я была...

Б. Ахмадулина

Бывает так: строкою подан знак,
И открывается за ним пространство речи,
Чью суть дано со временем познать
Судьбою нашей с каждой новой встречей.

И пристальнее вглядываясь вглубь,
В бездонье тишины и снегопада,
Вдруг чувствуешь под сердцем, как иглу,
Всё мирозданье слова, ритма, взгляда...

Окажется: поэзии стезя
Была уже строкой в моём предзимье,
Вписав из будущего в книгу бытия
Созвучное — её двум строчкам — имя.

Сокровенное слово

* * *

Образы тенью пройдут по стене,
образы-лики небесной породы,
стих остается — не вам и не мне,
стих остается — загадкой природы...

Людмила Колодяжная

Стих остаётся частицей тепла —
Августом, небом, простором Отчизны.
В нём отзываются колокола,
Звуком пронзая осенние ризы...

В таинстве света, сошедшем с икон
И растворённом в дыхании свечек,
Слово родное, как встарь, испокон,
Льётся молитвой над Замоскворечьем...

Слово родное, в его глубине,
В корнях славянских — исконность природы.
Стих остаётся на этой земле —
Исповедально — истоками рода.

Татьяна Скорикова

РУССКИЙ ЯЗЫК

Сколько в русский язык Бог вложил глубины!
Слово может спасти от утрат и невзгод.
Слово — это исток, в нём разлив тишины,
Птичий гомон, дорога, простор, небосвод...

Слово может зажечь в сердце искру добра
Пробудить ото сна неокрепшую мысль.
Сокровенно, молитву в душе сотворя,
Наш язык проникает в духовную высь...

Поэмы

А ДАЛЬШЕ — СВЕТ...

(Разговор с Анной Ахматовой)

Многое еще наверно хочет
Быть воспетым голосом моим.

А. Ахматова

1.

А дальше свет невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино...
Уже душистым раскалённым ветром
Сознание моё опалено.

А. Ахматова

А дальше — свет... О, осень, будь щедр!
Разлей по кубкам янтаря златые вина.
Печаль развей. Пусть клёкот журавлиный
Подаст мне знак: «Пора лететь, пора!»

Увидеть с высоты земную твердь,
Багрянцем опоясанные дали,

Татьяна Скорикова

Приемля всё, чем лес и поле стали:
И серебро жнивья, и листьев медь.

Всё чудотворно в книге бытия,
Закономерно и непреходяще.
И голос мой, как лист с берёз летящий,
Вольётся в благовест на склоне дня...

2.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса –
Ты первый раз одна с любимым».
А. Ахматова

Пока любовью и поэзией согрета,
Пока надежды лучик не погас,
Волной стиха, как благодатью света,
Омоет жизнь нас в самый трудный час...

И высшим смыслом нас одарит Слово,
Огнём священным амфору строки
Наполнит, чтобы в ней звучали снова
Крылатой Музы лёгкие шаги...

А дальше – свет...

3.

Ты опять, опять со мной бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что незаконница,
Разве плохо я тебе пою?

А. Ахматова

И вдаль брела, по устью снов, незрячей,
Но видящей себя со стороны,
И стих пила, как пульс — живой, горячий,
Не остужаемый кусочками луны,
Из звёздно-хрупкой чаши небосклона...
Над перекрестьем прожитых эпох,
Взлетала жадно, музыкой влекома,
Которой наградил пространство Бог...
И ночи цепкой сбрасывая ветошь
На карнавальность масок бытия,
Творила строчку — из золы и света,
Песка и ветра, стужи и огня...

4.

А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым клёном.
Озёрным водам отдал миг,
Внимает шорохам зелёным.

А. Ахматова

Тополя окутал май туманом,
На пруду, где задремал тростник,

Татьяна Скорикова

Вспоминаю нынче я о самом
Дорогом, лелея этот миг.

Всё здесь так же. Тот же дух столетий
Над водой мерцающей царит.
Образ Анны царственен и светел.
Строг осоки сонной лазурит.

В отраженьях мраморного взгляда
Век минувший явен, но незрим.
Узкой тропкой я иду из сада,
И сирени белой вьётся дым.

Памяти свеча неопалимо
Грустью лепестков озарена.
И являет образ мне любимый.
Под покровом клёнов тишина.

5.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

А. Ахматова

Тонкой паутинкой сентября
Лето на ладонь мою осело.

~ 172 ~

А дальше – свет...

Озера чешуйчатую рябь
Ветерок качает то и дело.

Золотистым бликом каждый год
На листок тетрадный оседает.
Здесь к туману царскосельских вод
Память прикасается седая.

Я взглянула — прямо у воды
Поступью почти неразличимой
Чьи-то мимолётные следы
Тенью давних дней скользнули мимо...

6.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
И всё перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

А. Ахматова «Летний сад»

Здесь бродят солнечные пятна
Над сенью вод душистой мятой,
И царственен столетий блеск
Под сердоликами небес.
А заводь века моего

~ 173 ~

Татьяна Скорикова

Таит созвучий колдовство.
Сквозь нежное свечение лилий —
Поэзия скульптурных линий.

Сияньем дня отражены
Здесь светотени тишины,
И грани прожитых эпох,
И зоркой Музы чуткий вздох,
И воплощаемые в строки
Небесной высоты истоки...

7.

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу...

А. Ахматова

Затеплится миг, как предчувствие счастья,
В котором блеснёт осознание Бога,
И сутью роста пробуждение слога
Со всем на земле обретает согласие.

С рекою, где в заводи сонною рыбкой
Полуденность дня мирозданию внимает,
С травой под ногами, с высотой мая,
Разлитой в природе печальной улыбкой...

А дальше — свет...

С осколком живого и теплого эха,
Который с собой унесу я из рощи...
И облака чей-то загадочный росчерк
Вольётся в строку ощущением неба...

8.

Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.

А. Ахматова

В поле вечности редки встречи,
Но я встретила Анну... Тогда
В час погожий мы сели под вечер
На скамеечке той, у пруда.
В нём, светясь, отраженье скользило
Темноликих багряных небес,
И мгновение с вечностью слилось,
Уплывая стихами за лес.
Профиль строгий — не явь и не небыль,
Взор обвевая тихо печаль...
Лунный свет, словно призрачный стебель,
Ей на плечи набросил вуаль.

Татьяна Скорикова

И явилось ей, как приходила
 В сад вечерний в былые года,
 Как под старую липой грустила,
 Как сирень зацветала тогда.
 Всё припомнилось ей... Но внезапно
 В бело-розовом майском саду
 Прошептала: «Пора мне. До завтра...
 Я луной обернусь — и приду...».

9.

Муза-сестра заглянула в лицо...

А. Ахматова

Светотени, белой ночью
 В предрассветной чуткой мгле
 Облик Анны вдруг воочью
 Промелькнул в седом окне.

Чёткий профиль, нос с горбинкой.
 Взмах опущенных ресниц,
 Силуэты за тропинкой,
 Щebetанье ранних птиц.

Проступали строки, лица,
 А с туманных берегов

А дальше — свет...

Голос вещей тихо лился
 Струйкою знакомых слов...

Стала клеточкой Вселенной
 Плоть её строки живой,
 Тишиною сокровенной
 Благодатной влагой в зной...

10.

Оно, словно кем-то встревоженный гром,
 С дыханием жизни врывается в дом,
 Смеётся, у горла трепещет,
 И кружится, и рукоплещет.

А. Ахматова.

«Последнее стихотворение»

Всегда казалось мне, что птица
 Таится в облике родном.
 Взмах крыльев — словно взмах страницы.
 Полёт под снегом и дождём.

Её перо в руке крылато.
 И белоснежны, и чисты
 Слова — как пёрышки, объята
 Порывом ветра с высоты...

Татьяна Скорикова

А утром — только зорька встанет,
И росы окропят траву,
Луч встрепенётся и — в тумане
Строки натянет тетиву.

11.

Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово (...)
А. Ахматова

Смогу ли я в строфе небрежной,
В словах, быть может, невпопад,
Отобразить сирени снежной
Невыразимый аромат?

Весь сад — в пылу её созвучий,
А май, ликующий — в хмелю —
Сиренью оперяет тучи
У поднебесья на краю.

О, этот буйный миг цветенья,
Когда руладой соловей
Шиповник розовый с сиренью
В узор сплетает меж ветвей.

А дальше — свет...

Когда из обморочной тени
Созвездий марево плывёт
Неистойвой душой сирени
На озарённый небосвод.

12.

Словно вся прапамять в сознание
Раскалённой лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

А. Ахматова

Бело-синее око земли
Смотрит вглубь своего отраженья.
Мрамор рук, плавных линий скольженья,
Исчезает, как дымка, вдали...

От червонного бубна луны
На душе тяжело и тревожно.
Что таится в крылах осторожной
Хищной птицы — ночной тишины?

Лик зари отстранённо-больной
В русло речки печалью вольётся,
И багрово-красное солнце
Ниспадёт на ладони слезой...

Татьяна Скорикова

13.

А чёрное небо светало,
Нас кликнул кто-то с моста,
Я руками обеими сжала
На груди цепочку креста.

А. Ахматова

Замирает сердце тихой грустью,
Так гнетёт безмолвие всегда,
Так зимой реки немое устье
Скованно молчаньем из льда...

И не слышно шума крыльев птичьих,
В храме и в природе пустота...
Только голос одинокий кличет
Душу снять, распятую, с креста...

14.

Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и чёрные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!

А. Ахматова

Прощаюсь с тем, что время унесло
С собой навечно — стай журавлиной.

А дальше — свет...

Уже зима из серебристой глины
Протягивает белое крыло.

Оно моей касается руки.
Душа, как лес, тоскует отрешённо.
На тишину осенённых кронах
Горят снежинок талых огоньки.

Мгновенно всё: и день, и лист сквозной
С прозрачной сердцевинкой — даром лета.
Прощанье с прошлым памятью согрето,
И навсегда освящено тобой.

15.

И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих лёгонький звон.

А. Ахматова

Тоненькой резьбой из стекла
На Крещение пруд покрыт морозцем.
Проливают звон колокола
В проруби, в которых стынет солнце.

Татьяна Скорикова

Кажется — не сон, а полуявь
Соткана из песенных созвучий...
Ты, январь, меня одну оставь
И воспоминанием не мучай.

16.

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.
А. Ахматова

Белое чело зимы.
Парк заснеженный. Аллея...
Ели царственно немые,
От морозных чар немея.

Наст хрустит, и так светло
Голос эха серебрится
Между сосен, как крыло
Зимней солнечной жар-птицы.

Сплетены лучи в кольцо —
Дивный перстень — дар старинный.
Леденит февраль лицо.
Стынет в сердце горький иней.

~ 182 ~

А дальше — свет...

17.

Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!
А. Ахматова

Как медлительны дни, как медлительны,
Бледным росчерком движется тень...
Время чертит узор утомительный,
Растворяя в нём тягостный день.

Грусть моя! Отчего упоительно
В тонкий лед погружаю лицо?
Оттого ли, что май ослепительно
Скоро выстелет солнцем крыльцо?

Но пока — гаснет вечер томительно,
В стылом доме, а стопка страниц
Из камина взлетает мучительно
Стаей чёрных, обугленных птиц...

18.

Там тень моя осталась и тоскует,
Всё в той же синей комнате живёт...
А. Ахматова

Там тень её из прежнего пространства,
Из глубины осенних янтарей

~ 183 ~

Татьяна Скорикова

Явилась мне однажды после странствий,
Как робкий всплеск погожих летних дней.

Она неслышно бродит по паркету,
Незримая, касается чела...

Не отличить порою тень от света,
Как утро, она призрачно светла.

И вдруг заметишь: старый томик тронут,
Раскрыта книга ею на столе.

И лёгкий звук шагов из дальних комнат
Замрёт, свече подобно, в полумгле.

То будет знак, душе доступный только —
Прочесть иероглифику огня,

И в нём увидеть тень её и строки,
Начертанные ею ... для меня.

19.

Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

А. Ахматова

Лето. Пруд из детства, лопухи.

Всё как прежде: тёплый запах сена.

Так же ночью пишутся стихи,

А в печи — поющее полено.

А дальше — свет...

Полдень. В поле дремлют ковыли.
Как былина, стелется заречье...
От родной натруженной земли
Я вдохнула аромат любимой речи.

С затаённой глубиной родников,
С небесами — в каждом Божьем Слове.
Не прожить и часу без стихов,
Вросших, будто семена, в раздолье...

Только нагибайся — и смотри —
Вот оно — растёт моё наследство:
На лугу румяный лик зари
Улыбается мне васильками детства...

И являет память старый дом.
Крынка молока стоит парного.
Юные, мы по полю идём.
С нами — ветер, солнце, лето... Слово.

Татьяна Скорикова

20.

У меня не выяснены счёты
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то все мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

А. Ахматова

Бессонная тишь. На лугу подорожник
Топорщит упрямый листок,
И Словом, как кистью, рисует художник
Ширь, ветер, слиянье дорог,
Осеннего леса сквозную прохладу,
Во мраке — лампадку звезды,
Приемля душою весь мир, как награду,
Как дар — за благие труды.
Стихов собирается белая стая,
И вдаль — над кустами раки
В багряной палитре небесного края
На зов лебединый летит...

А дальше — свет...

21.

Замечаю всё, как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.

А. Ахматова

Мы помолчим. Слова нам не нужны.
В их тайных смыслах столько притяженья...
Так музыка крадет у тишины
Невыразимый промысел творенья...

Когда не здесь — за гранью бытия —
Разлита музыка молчанья, где любовью
Мир оживает в Слове, но, творя,
Становится сиянием безмолвья...

22.

Не придумать разлуку бездонней.
Лучше сразу тогда — наповал...
И, наверное, нас разлучённой
В этом мире никто не бывал.

А. Ахматова

Когда читаю эти строки,
В них открывается судьба,
Отмеренные жизнью сроки,
Слова молитвы и мольба.

Татьяна Скорикова

Встаёт осенняя бездонность,
Воздушно-скорбный синий лес,
С ушедшими неразлучённость.
И высота седых небес.

Она, предчувствием объята,
Стоит на берегу пруда.
А над распятием заката
Горит высокая звезда.

23.

Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать и жить.
Всё возьми, но только розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

А. Ахматова

Последней розы аромат
Тревожит и пьянит истомой.
Как свеж её печальный взгляд,
Как облик трогает знакомый!

Пока её краса в росе
Серебряных горошин света,
Бушует огненный рассвет
В ней всеми отзвуками лета.

А дальше – свет...

Нет в мире уст её алей.
Из влажной проседи тумана
Витают дух среди аллей
Последней розы — розы Анны...

Как над строкой не властна смерть,
Над ней не властно увяданье.
Ей в пламени нельзя сгореть,
Ведь дар её — завещан Анне.

24.

Истлевают звуки в эфире
И заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.

А. Ахматова

Два лишь голоса, две разлуки,
Сквозь осенний сырой туман
Проплывают, как стаи, звуки
Над просторами дальних стран...

Татьяна Скорикова

25.

В каждом древе распятый Христос,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

А. Ахматова

Льёт лампадка целительный свет
Перед образом Лица святого.
Божьей силой даровано Слово,
Нам спасеньем — от горя и бед.

26.

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной.

А. Ахматова

Воочию — магия огня
Её строфы — сосуд целебный.
В ней утро, ночь, земля и небо,
И все глубины бытия...

27.

Так исповедь льётся немая,
Беседы блаженнейший зной.

А. Ахматова

До ранних заутренних звонов,
До огненной кромки зари,

А дальше — свет...

С ней сердце моё упоённо
Всю ночь напролёт говорит.

28.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

А. Ахматова

Прислушиваюсь к голосу внутри,
Он никогда, я знаю, не обманет.
Бессонной ночью, в маете зари
Я доверяю это слово Анне.

И с ней опять до третьих петухов
Беседую, всем сердцем ожидая,
Что прямо к солнцу строчками стихов
Взовьётся в небо стая золотая.

И ничего от мира не тая,
Всё сущее молитвенно приемля
Душа постигнет тайны бытия,
Благословляя небеса и землю...

Татьяна Скорикова

29.

О, знала б я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой
Мои живые руки припадут.

А. Ахматова

Живая музыка Вселенной
Душе — небесный эликсир,
Тот дар, что Лире сокровенной
Свой высший открывает мир.

Земные пройдены пределы,
А дальше — небывалый свет,
И Муза, что в одежде белой
Творит божественный сонет...

30.

Я стала песней и судьбой,
Сквозной бессонницей и вьюгой.

А. Ахматова

Во всех частицах бытия —
Творениях земного мира —
Живёт, как свет, душа твоя,
Звучит, не умолкая, Лира.

А дальше — свет...

И в снах своих, и наяву,
В печали, радости и горе
Я именем твоим зову
Весною — всходы, чаек — в море.

В улыбке каждого цветка,
В закате, в сини поднебесья
Твоя крылатая строка —
В созвучии со всем — воскреснет!

ЛЮБИМЫЕ СТРАНИЦЫ

(по мотивам романа М. Булгакова
«Мастер и Маргарита»)

1.

«В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах появилось двое граждан... В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, — никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея». «И тут знойный воздух сгустился... и сооткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида...»

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Был летний день, сухой и душный,
И между дел не очень важных
Подумалось: пожалуй, нужно
Зайти в кафе на Патриарших.

И отложив на время встречи,
Я повернула... Над бульваром
Плыл тёплый августовский вечер,
А солнце расстилось жаром.

Сев на скамейке той у пруда,
Где листья на воде желтели,
Заметила, как ниоткуда
Возник мираж в конце аллеи.
Соткался на глазах из зноя
В картузе гражданин престранный,
Под липами явились двое
Из знаменитого романа...

Хотя неверия полны мы,
Забот, сует и дел всегдашних,
И часто пробегаем мимо
Скамейки той на Патриарших.
Однажды нам остановиться
В привычной беготне придётся,
Раскрыв любимые страницы
У пруда на закате солнца...

2.

«Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет. Она повернула с Тверской в переулочек и тут обернулась. Ну, Тверскую вы знаете? По Тверской шли тысячи людей, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!»

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Переулками, скверами
Шла по городу женщина,
Настроение скверное,
В сердце — скрытая трещина.
От недоли усталая,
Нелюбовью измаялась.
А весна запоздалая
Перед нею не каялась.

Лишь сулит одиночество
и бессилье уныния:

Вот, мол, годы простроятся
В кудрях стёжками инея.
Ничего не обещано!
Но с надеждою смутною,
Шла по городу женщина
В синеву бесприютную.

Время стрункою тонкою
Отливалось в молчание,
Свилось сердце воронкою
Из листа ожидания.
С талой ноткой беззвучия
Снег стелился порошею.
Жизнь вдруг стала излучиной,
Уходящей от прошлого...

И внезапно за сквериком,
За соседнею булочной
Стала улица берегом
В междуречии будничном.
Стала встреча случайная
Средь изношенной ветоши
Светлой пристанью тайною...
И пристанищем вечности...

3.

«Карманные часы показывали два часа ночи... Мне вдруг показалось, что осенняя тьма выдавит стекла, вольется в комнату, и я захлебнусь в ней, как в чернилах... У меня хватило сил добраться до печки и разжечь в ней дрова... В печке ревел огонь, в окна хлестал дождь... Я вынул из ящика стола тяжелые списки романа и черновые тетради и начал их жечь... Пепел временами одолевал меня, душил пламя, но я боролся с ним, и роман, упорно сопротивляясь, все же погибал.»

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Под шум воды в ночи осенней
Сквозь мглу и дождевые пальцы,
Кривясь, изогнуто, как тени,
Деревья и кусты в смятенье
К огню в окне тянули пальцы.

Стучала жалобно по стёклам
Сирень, надломленная бурей,
Как нищенка в скитанье долгом,
Она продрогла и промокла
Под шалью ветра темно-бурой.

В двух комнатах полуподвала
В одном из старых переулков
Тревожно тишина стояла,
И где-то в глубине бокала
Звон стёкол отзывался гулко.

Молчанье... Два часа пробило.
На окна ночь валилась тьмою.
В изнеможении, без силы,
Он встал, боясь, что тьмы чернила
Его, как лист бумаги, смоют.

Подбросил в печку дров, чтоб пламя
Страницы превратило в пекло
И выжгло жаркими устами
Романа горестную память,
Похоронив под горсткой пепла...

От жара коченели руки,
А пламя горном возвещало,
Всё больше накаляя звуки,
Что нет забвенья и разлуки,
С конца... строка берёт начало...

4.

«Невидима и свободна! Пролетев по своему переулку, Маргарита попала в другой... Она пересекла Арбат, поднялась повыше, к четвертым этажам ... и ... проплыла в узкий переулок с высокими домами... Маргарита пошла вниз и, приземлившись, увидела..., что над дверьми золотом выведена надпись — Дом Драмлита. Тогда во весь мах Маргарита понеслась вниз, отсчитывая этажи, долетела донизу, вырвалась на улицу... соображая, какие именно окна квартиры Латунского. Нагая и невидимая летунья сдерживала и уговаривала себя, руки ее тряслись от нетерпения...».

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Светом лунным омыта
Над теченьем Арбата
На метле Маргарита
Мчит, восторгом объята.
Тлеет кромка заката
над Москвою-рекою.
Предвкушая расплату
И не зная покоя,
Маргарита, нагою,
Поднималась всё выше,

Чуть касаясь рукою
То карниза, то крыши.

Нетерпением дышит
Длинный вьющийся локон,
Облетающий ниши
Вдоль распахнутых окон.
Смотрит лунное око
Вслед резвящейся ведьме,
Голубеет дорога,
Замедляется время...
Месяц — лёгкое стремя
Под ногой Маргариты,
Пустьяковое бремя —
Долететь до Драмлита.

Пианино разбито,
Лампы, стёкла балкона,
Отомстив, Маргарита
Ввысь взметнулась над домом.
Занавескою мгlistой
Ночь огни застилала
И пылала росистой
Звёздной россыпью алой...

5.

«Кашляя и задыхаясь, держась за грудь, он обежал кругом холма, стремясь на северной стороне найти какую-нибудь щель в цепи, где можно было бы проскользнуть. Но было уже поздно. Кольцо сомкнулось. И человек с искаженным от горя лицом вынужден был отказаться от своих попыток прорваться к повозкам, с которых уже сняли столбы». «На этом пергаменте уже были набросаны записи: «Бегут минуты, и я, Левий Матвей, нахожусь на Лысой Горе, а смерти все нет!» Далее: «Солнце склоняется, а смерти нет».

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

В последний путь ползли повозки
В сопровождении солдат.
Был слышен скрип и топот конский,
И лязганье тяжёлых лат.
Казалось, солнце в колеснице
Катилось медленно к холму,
И жара мелкие частицы
Над городом сгущались в тьму.

Он выдохся бежать по склону,
Следя глазами, как конвой

Трёх осуждённых неуклонно
Ведёт к Голгофе через строй.
Но опоздал. В глухом бессильи,
От дикой ярости дрожа,
Он пал, глотая клубы пыли,
Сжимая рукоять ножа.

А там, на призрачной Голгофе,
Где были вбитые столбы,
Страдальчески склонённый профиль
Увидел он в венце Судьбы.
И на пергаменте, как будто
На тысячи предвидя лет,
Он записал: «Бегут минуты,
А смерти не было и нет...»

6.

«Единственное, что он сказал, это, что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость». «Солнце исчезло, не дойдя до моря, в котором тонуло ежевечерне. Поглотив его, по небу с запада поднималась грозно и неуклонно грозовая туча. Края ее уже вскипали белой пеной, черное дымное брюхо отсвечивало желтым. Туча ворчала, и из нее время от времени вываливались

огненные нити. По Яффской дороге... гонимые внезапно поднявшимся ветром, летели пыльные столбы».

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

От солнца и жары полдневной
Горячий воздух стекленел,
И по рубцам висевших тел
Тёк медленную струйкой гневной...
Жар, как слепень, въедался в лица,
Впивался зубьями в сердца —
Огнём тернового венца
Повелевая казни — длиться...
Горели нестерпимо шлемы,
Вскипало серебро, и зной
Легионеров тесный строй
С горы не выпускал из плена.

И мучимый тоской и жаждой,
Он впал, распятый, в забытье,
Когда палач к губам копьё
Поднёс с надетой губкой влажной.
Очнулся, вздрогнул, как от тока,
И небо сузилось в зрачках...
Он прошептал... что хуже страх

На свете всех иных пороков.
А между тем гора пустела,
Сгущалась грозовая мгла,
Когорта римлян отошла,
И дух его покинул тело...

Клубилась туча белой пеной,
И, солнце пастью поглотив,
Она, ворча, несла порыв
На низвержение Вселенной.
Гонимы ветром по дороге,
Летели пыльные столбы.
Всей человеческой судьбы
Писались небесами строки...
Потоки огненную лавой,
Мешая землю, небо, храм,
Бежали по немым холмам,
Смывая казни след кровавый...

7.

«Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над

гипподромом. ... Пропал Ершалаим — великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. ...».

«У ног прокуратора простиралась неубранная красная, как бы кровавая, лужа и валялись осколки разбитого кувшина... И если бы нестойкое трепетание небесного огня превратилось бы в постоянный свет, наблюдатель мог бы видеть, что лицо прокуратора с воспаленными последними бессонницами и вином глазами выражает нетерпение, что прокуратор ... глядит на две белые розы, утонувшие в красной луже...»

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Из варева кромешной тьмы
Взлетала ввысь громада храма
И низвергалась с высоты
В глухую бездну урагана.
Когда казнённых палачи
Кололи копьями поспешно,
Огня отвесные мечи
Распарывали город грешный.
Срывались ветки на карниз
Вдоль затемнённой колоннады.
Как трость, сломался кипарис
У прокураторской ограды.

Он пил вино. Ломился стол
От яств. На мокрые ступени,
Как света слабый ореол,
Зловещие ложились тени.
Сквозь плотный занавес воды
Услышал жалобные ноты
И понял: за свои труды
Грядущим будет он растоптан.
Шумела буря за дворцом,
А на мозаике краснело
Вино кровавым озерцом...
С мерцающею розой белой...

8.

«Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель. И в тот же миг за спиной у Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюбленного под лопатку. Иуду швырнуло вперед, и руки со скрюченными пальцами он выбросил в воздух. Передний человек поймал Иуду на свой нож и по рукоять всадил его в сердце Иуды. — Ни... за... — не своим, высоким и чистым молодым голосом, а голосом низким и укоризненным проговорил Иуда и больше не издал ни одного звука. Тело его так сильно ударило об землю, что она загудела».

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

С горы стремился вяло под уклон,
Дороги искривлённый позвоночник...
Скользил лениво, солнцем опалён,
Жары полдневной тёмно-синий росчерк...

Недремлющий прикрытый глаз змеи
С пустым зрачком, в котором сжалась бездна,
Застыл, подобно мушке, от земли
На высоте протянутого жезла.

Владычица развалин и песков,
Нить времени пропитывая ядом,
Нависнув над тропой, как гнёт оков,
Мертвила путника свинцовым взглядом.

Тут пронеслась вся жизнь... Среди толпы
Фигурка Низы растворилась тенью...
Мгновение — и вот он перст судьбы —
Змеиного зрачка оцепененье...

Шепнули губы: «Ни...за»... Кипятком
Ошпаривали знойные минуты,
И небо ненавидящим зрачком
Сужался в атом времени как будто.

Блеснул клинок, как молния, и — вмиг
Земля качнулась под ногами. Меткий
Удар под сердце. ... «Ни... за» — замер крик.
Не шелохнулось ни единой ветки...

9.

«Горькая нежность поднялась к сердцу масте-
ра, и, неизвестно почему, он заплакал, уткнув-
шись в волосы Маргариты. Та, плача, шептала
ему, и пальцы ее прыгали на висках мастера. —
Да, нити, нити... на моих глазах покрывается
снегом голова... Смотри, какие у тебя глаза!
В них пустыня... А плечи, плечи с бременем...
Искалечили, искалечили... — Речь Маргариты
становилась бессвязной, Маргарита содрога-
лась от плача».

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Беззвучно оплывали свечи
Над кипюю бумаг и книг.
Накинут чёрный плащ на плечи,
Как тёмная вуаль — на вечер,
И брошен на ковёр дневник.

А опалённые тетради,
Чей пепел выбелил виски,

И белой нитью вкрался в пряди,
В его опустошенном взгляде
Стояли, словно знак тоски.

Лишь нежность горькая струилась
Из их страдальческих сердец,
И вечностью минута длилась,
Пока сиренью ночь томилась,
Весной оглушена вконец...

10.

«— Тогда огонь! — вскричал Азazelло. —
Огонь, с которого все началось и которым мы
все заканчиваем...»

— Гори, гори, прежняя жизнь!

— Гори, страдание! — кричала Маргарита.

Комната уже колыхалась в багровых столбах, и вместе с дымом выбежали через двери трое... Трое черных коней храпели у сарая, вздрагивали, взрывали фонтанами землю. Маргарита вскочила первая, за нею Азazelло, последним мастер».

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Вино в заплесневшем кувшине
Струясь в бокал, на солнце рдело.

Им угостил их Азazelло,
Как путников в немой пустыне.
Едва она глотнуть успела,
Как вдруг смертельно побледнела,
И на губах застыло имя...

Успела протянуть ладони,
К нему, шагнула ... и упала.
Она тогда ещё не знала,
Что бьют копытом землю кони,
Что животворен яд бокала,
Что город под накидкой алой
В предгрозовом угаре тонет...

«Огонь! Огонь!» — вскричали разом
Поверженные в упоенье,
В своё поверив воскресенье,
А демон, не моргнув и глазом,
Из печки разбросал поленья,
И пламени сомкнулись звенья
С неопишным экстазом.

Горели прежние пороки,
Вскипало пламя, алым валом,

Рвалось наружу из подвала,
И сполохи его, как вздохи,
Взвивались ввысь.. Легла опала
На всё, что с этой жизнью стало.
Огонь смыл кровью горя строки...

11.

«Навстречу летящим стремительно летела туча, но еще не брызгала дождем. Они летели над бульваром, видели, как фигурки людей разбегаются, прячась от дождя. Падали первые капли... Они пролетели над городом, который уже заливала темнота. Над ними вспыхивали молнии...»

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Ночь надвигалась и шумела
Дождём над городом весенним,
Над белым заревом сирени,
Стуча по стёклам оголтело...
Потоками лепилось тело
Летящих всадников... Как тени,
Москва стелилась в отдаленье
Бульваров, улочек сплетеньем,
Где молний вспыхивали стрелы,
Подобно искрам на поленьях.

Дробились брызг воздушных ноты,
Мелодией дождя звучала
Чешуйчатая рябь канала,
Вливаясь в музыку полёта.
Мелькали города полотна,
Как в пёстром шуме карнавала.
Гроза на запад отступала,
А облако под цвет опала
Окутало их дымкой плотной,
И всадников не видно стало.

Вдали от белых храмов града,
Над бесприютною равниной
Плащ ночи развевался длинный...
Как вихрь, мчалась кавалькада,
И под копыта звёзды градом
Летели гулко. Лунный иней
Окутал дальние вершины...
Рассвет забрезжил ало-синий,
И был покой всему наградой...

12.

«Туда, туда. Там ждет уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет. По этой дороге, мастер, по этой».

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

И снова здесь они, и снова
В одном пространстве бытия.
Они — созвучие живого,
К себе влекущего огня.

В их имени одна и та же
В ночи мелодия звучит.
Они одной томимы жаждой
При зыбком пламени свечи.

Они всегда в одном полёте
Луною серебрят крыло,
И никогда не скажет кто-то,
Что время их уже прошло...

*Март 2005 г.
Бирма (Мьянма)
г. Пийн-У-Лвин*

Содержание

От автора 7
Ю. Богданов «...Сокровенное слово...» 9

СТИХОТВОРЕНИЯ
С ВЫСОТЫ

«Давай слетаем в изумрудные края...» 21
Небесные пилигримы 22
«Туман и сырость. Город сник...» 23
На Ай-Петри 25
«Скоро май зелёный парус лета...» 25
«Быть во власти стихов твоих...» 26
«Расставания, расстояния...» 27
«Перроны, вокзалы, разлуки и встречи...» 28
«Сердца, соединённые сквозь вёрсты...» 29
«Рождался день из капелек дождя...» 28
«Отзовётся грустью колокольный...» 31
«Есть благоденствия минуты...» 32

РОДНЫЕ БЕРЕГА

Родина 35
Возвращение 36
«Аукнется — откликнется...» 37
Берега. 38
В электричке. 39

Берёзовая рощица	40
«Какое благо — тишина...»	41
России	42
«Вдали от России, но рядом...»	43
Журавлиный клин	45
Русь	46
«И вот уже весенним перебором...»	47
«Уже весна! И на застрехе солнце...»	48
«Есть месяц, в котором оттаёт внезапно...»	49
«Бегу в лесную глухомань...»	50
«Дождь раскладывает пасьянсы...»	51
«Прикипела сердцем к этому местечку...»	52
Медовый спас	53
«Запрокинув голову в лесах...»	54
«Под светлыми очами неба...»	55
«Напои меня, Русь, напои...»	56
Соловьи.	57
Из книги памяти лесной	58
«Мне слышен гул под кровом тишины...»	59
Старый дом	60
Иван-чай	62
Павшему солдату	63
Бессмертный полк	65
Их долгий путь...	66
Матушке	67
Храм Тихона Задонского в Сокольниках	69
Вечерний звон.	70

БЕЛОСНЕЖЬЕ

Зимний сонет	73
«И блеск, и стынь еловой чащи...»	74
Летят снежинки	75
«Стало белым солнце...»	76
«Китеж, Китеж — древнее сказание...»	77
«Леденели руки проводов...»	78
На Крещение.	79
«Мороз крещенский, словно воробей...»	80
Заколдуй меня, зима	81
«Вместе с музыкою ненастья...»	82
«А сны ... такие странные...»	84
Звёздная метелица	85
«Что сотворит сегодня снег...»	86
«Нарисую поле и мороз...»	87
«Ах, зима, птица белая, нежная...»	88
«Снег упал бездыханно в безлюдье...»	89
По дороге в Братиславу	91
Костёр зимы	93
На Москве не снег, а снёги	94
Январский вечер	96
«Подари божественность зимнего леса...»	97
Последний снег	98
О ЧЁМ ПОВЕДАЕШЬ МНЕ, МОРЕ?	
«Волна — мой древний амулет...»	101
«Пишут волны свои письмена...»	102

«Читаю стихию на свитке песка...»	103
Волна	104
Морская стихия	105
Тот август	106
«Ты видишь — там вдали, на небосклоне...» . .	107
«Ни секунды не медли!...»	108
«Давай сегодня просто помолчим...»	109
«Волны задумчивый прибой...».	110
«Здесь на острове, под кокосами...».	111
«Наш берег прозрачно пустынен...».	112
«Слушай, слушай моря бормотанье...»	113
«Белый паруса листочек...»	114
«Есть в шуме волн прощальное: „Прости“...» . .	115
«Стать светом... В сонной тишине...»	116
«Пью синеву тихонько, по глотку...».	117
«Сети солнца...Тишина...»	118
Бриз	119
«Спит в ладони у вечности море...»	120
«На наречии древнем и юном...».	121
«Капля солнца солёного — Царево...».	122
«На ладье, украшенной по-царски...»	123
«В изголовье Нестинарки...»	124
«В осенних строках полнолуныя...»	125
Мой Крым	126
На солнечных часах	127
«Созвучно мне твоей строки крыло...»	128

СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

«Я мига жду, чтоб звуком озарённый...»	131
«Созвучен пальцам трепетный смычок...» . . .	132
Музыка	133
Явятся звуки в утро...	134
Поэзия	135
«Порою думаю: откуда стих берётся...»	137
«Неизречённое — прости...»	138
«Звенит голубизной осинник...»	139
«Есть магия свечи...»	140
«Порой мне кажется: строка...»	141
«Здесь глухомань, и всё, как было...»	142
«Зима, чуть видимая оку...».	144
Татьянин день	145
«Вербное, тихое, чистое...»	146
Пасхальное.	147
В храме	148
Слово благодати	149
Спаси и сохрани!	150
Весенний набросок	151
Муза	152
Сад	153
«Божественна мгновений суть...»	154
Заокские дали	155
«И мы с тобой когда-нибудь уйдём...»	156
«Я вышью радугой «ЛЮБЛЮ»...»	157

«Мелодия осталась недопетой...»	158
«По золоту в осенней синеве...»	159
«Так Словом дышит день сегодня...»	160
«В янтарной выси поднебесья...».	161
Кленовый лист	162
«Из серых будней вырваться — и птицу...» . . .	163
«Бывает так: строкою подан знак...».	164
«Стих остаётся частицей тепла...»	165
Русский язык	166

ПОЭМЫ

А ДАЛЬШЕ — СВЕТ...

(Разговор с Анной Ахматовой)

1. «А дальше — свет... О, осень, будь щедра!...»	169
2. «Пока любовью и поэзией согрета...»	170
3. «И вдаль брела, по устью снов, незрячей...»	171
4. «Тополя окутал май туманом...».	171
5. «Тонкой паутинкой сентября...».	172
6. «Здесь бродят солнечные пятна...»	173
7. «Затеплится миг, как предчувствие счастья...»	174
8. «В поле вечности редки встречи...».	175
9. «Светотени, белой ночью...»	176
10. «Всегда казалось мне, что птица...»	177
11. «Смогу ли я в строфе небрежной...»	178
12. «Бело-синее око земли...»	179
13. «Замирает сердце тихой грустью...»	180

14. «Прощаюсь с тем, что время унесло...» . .	180
15. «Тоненькой резьбою из стекла...»	181
16. «Белое чело зимы...».	182
17. «Как медлительны дни, как медлительны...»	183
18. «Там тень её из прежнего пространства...»	183
19. «Лето. Пруд из детства, лопухи ...»	184
20. «Бессонная тишь. На лугу подорожник...»	186
21. «Мы помолчим. Слова нам не нужны...» . .	187
22. «Когда читаю эти строки...»	187
23. «Последней розы аромат...»	188
24. «Два лишь голоса, две разлуки...».	189
25. «Льёт лампадка целительный свет...». . . .	190
26. «Воочию — магия огня...».	190
27. «До ранних заутренних звонов...».	190
28. «Прислушиваюсь к голосу внутри...». . . .	191
29. «Живая музыка Вселенной...»	192
30. «Во всех частицах бытия...».	192

ЛЮБИМЫЕ СТРАНИЦЫ

(по мотивам романа М. Булгакова
«Мастер и Маргарита»)

1. «Был летний день, сухой и душный...» . . .	194
2. «Переулками, скверами шла по городу женщина...»	196

Содержание

3. «Под шум воды в ночи осенней...»	198
4. «Светом лунным омыта...»	200
5. «В последний путь ползли повозки...»	202
6. «От солнца и жары полдневной...»	204
7. «Из варева крошечной тьмы...»	206
8. «С горы стремился вяло под уклон...»	208
9. «Беззвучно оплывали свечи...»	209
10. «Вино в заплесневшем кувшине...»	210
11. «Ночь надвигалась и шумела...»	212
12. «И снова здесь они...»	214

Литературно-художественное издание

**СКОРИКОВА
Татьяна Петровна**

**ПЕРЕЛЁТНЫЕ
ПТИЦЫ**

Стихотворения и поэмы

В авторской редакции

В оформлении книги использованы
иллюстрации Зои Ярко

Вёрстка Т. А. Никитиной

Подписано в печать 14.04.2017.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 70 × 90 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,19.
Тираж 150 экз. Заказ №1757.

Отпечатано ООО «Литера М»
390035, Рязань, ул. Островского, д. 9/18.
Тел. 8(4912) 93-70-38.
E-mail: literaM@mail.ru